Елизавета Дворецкая

Орел и дракон

Рюрик

Елизавета Дворецкая

Орел и Дракон

«Автор»
2015

Дворецкая Е. А.

Орел и Дракон / Е. А. Дворецкая — «Автор», 2015 — (Рюрик)

Северная Европа, 9 век. Рерик сын Хальвдана не получил в наследство ничего, кроме славного имени и гордости за своих знаменитых предков. Вместе со старшим братом Харальдом Рерик отправляется во Францию, туда, где истинные викинги добывают золото и славу. Ему предстоит увидеть зелень далеких берегов, услышать звон булата, ощутить запах горящих деревень… Ведь он прирожденный победитель, появившийся на свет ради битвы!

© Дворецкая Е. А., 2015
© Автор, 2015

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 17
Глава 3 28
Глава 4 38
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Орел и Дракон
Елизавета Дворецкая

© Елизавета Дворецкая, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава 1

Эту бурю все в хараде Хельгелунд хорошо помнили. Море ревело и грохотало четверо суток подряд, люди без особой надобности не выходили со двора, и потому никто даже не знал, когда и каким образом Харда Богача выбросило на камни. Корабль обнаружили, когда буря стихла, а Хард со своими людьми был уже далеко. Лангскип на двадцать скамей по борту висел, опрокинутый, на самом краю Гримкелевых камней – с огромной пробоиной на правом борту, так что все днище разошлось, без весел, с поломанными скамьями. Мачту от него унесло в самую вершину фьорда и бросило почти к порогу рыбака Кетиля Беспалого – короче, страшное крушение было налицо, и никто не удивился бы, если бы из людей ни одного не осталось в живых. И уже точно никто не опечалился бы.

Ингвар конунг, едва услышав о чужом корабле на камнях, велел седлать коней. Хильда и Рери наперегонки побежали к конюшне, – в округе давно уже ничего не случалось, и они не хотели пропустить такое событие. Харальд, старший брат Рери, только небрежно усмехался, слыша их возбужденные голоса: ему было уже двадцать лет и он считал, что взрослому мужчине неприлично переживать из-за всякой ерунды. Как будто они разбитого корабля никогда не видели!

– Не слишком ли много чести! – смеялась, провожая их, фру Торгерд, сестра Ингвара и мать Харальда и Рери. – Сам конунг с семьей отправляется встречать корабль, как будто к нам в гости явился король франков! Вы бы еще трубача и знаменосца взяли!

– Тем более когда это «корабль мертвецов»! – подхватил Торир Верный, воспитатель ее сыновей. – Ты не боишься мертвецов, йомфру?

– Пусть они меня боятся! – пригрозила Хильда, поигрывая плетью в ожидании, пока ей подведут коня. – Рагнхильд научила меня заклинанию, как усмирять мертвецов, если они уж слишком разбуянятся.

– Ну, тогда, конечно, другое дело! – посмеиваясь, согласился Торир.

Одного мертвеца и правда нашли – еще довольно далеко от Гримкелевых камней, в полосе прибоя. Ингвар конунг остановил коня, и один из его хирдманов, Эгиль по прозвищу Кривой Тролль, соскочил на землю и подошел к лежащему телу. Хильда и Рери рассматривали его издалека, но видно было плохо: мертвое тело вообще очень мало напоминает живого человека, и особенно трудно что-то понять, когда при жизни его не знал. Им была видна только потемневшая от воды кожаная рубаха и копна спутанных волос, набитых песком и смерзшихся.

– Никогда его не видел, но такие пряжки делают в Бьёрко[1]! – крикнул Эгиль, носком башмака показывая куда-то в живот мертвецу. – У того торговца, что приезжал после весеннего тинга, была такая же, клянусь кривым троллем.

– Оттащите его от воды, потом пришлем людей закопать! – распорядился Ингвар конунг и оглянулся на дочь. – А ты понимаешь, как нам повезло, что они сели на камень? Ведь это боевой корабль. Эти удальцы плыли прямо к нам, а мы их вовсе не приглашали!

– Ты думаешь, это викинги?

– А кому еще слоняться по морю зимой?

– Они, по-твоему, всякий стыд потеряли – нападать на усадьбу самого конунга?

– Что им до чужих конунгов? Таким, как эти, «морским конунгам» любая добыча хороша. Бьёрн из Упсалы даже рад будет, если меня со всей семьей убьют. Не удивлюсь, если окажется, что он сам их на меня и натравил. Впрочем, пряжка из Бьёрко еще ничего не доказывает. У тех, что высадились тогда на Медвежьем мысу, были с собой кое-какие вещи из Микла-

[1] В литературе этот город известен под латинизированным названием Бирка.

гарда – но я что-то не думаю, будто ради моей скромной особы их прислал сам византийский император!

Ингвар конунг усмехнулся. Это был высокий, худощавый, но сильный мужчина лет сорока, с простым лицом умного человека, которому мысли даются без труда, рассудительный, отважный и всегда готовый пошутить. Его любили и в семье, и в усадьбе, и во всем Смалёнде, поскольку он был справедлив и удачлив. Но если хорошие урожаи и добрый улов, сопровождавшие почти все двадцать лет его правления, были милостью Фрейра и Ньёрда, то относительный покой, в котором жила страна, следовало относить к заслугам самого конунга. В прежние годы он создал себе славу отважного воина и притом вполне миролюбивого человека – такого, который на чужое добро не покушается, но и своего никому не отдаст. Этой славы хватало, чтобы оберегать земли Смалёнда и сейчас, когда Ингвар конунг, постаревший и хромающий на правую ногу, уже в походы не ходил и с дружиной, в случае необходимости, посылал ярлов помоложе. Ведь в поединке мужчина тридцати лет сдаст гораздо раньше, чем двадцатипятилетний. Что уж говорить о том, кто разменял пятый десяток!

Хильда зябко повела плечами под теплым плащом на меху. Если бы не буря и не Гримкелевы камни, то вчера или позавчера ночью их дом разбудили бы удары секир в ворота. И что с ними со всеми было бы сейчас…

– Но их тут могло быть не больше сотни! – сказала она, быстрым взглядом считая отверстия для весел. – Сколько здесь… Двадцать… двадцать два весла по борту, значит, человек сто, а то и меньше! Неужели мы бы не отбились?

– Отбились бы, если бы имели время собрать людей по округе. А в усадьбе у нас всего четыре десятка, не считая челяди.

Хильда промолчала: она отлично знала, сколько людей в усадьбе, потому что сама каждый день отмеряла съестные припасы. В молодости Ингвар конунг с успехом ходил в походы – в Британию, в Страну Финнов и брал там хорошую добычу. В те времена у них в усадьбе зимовало по сотне человек, а за столы, бывало, садилось и по двести. Сама она тогда была еще маленькой и всем заправляла ее мать, королева Хольмфрид, но Хильда хорошо запомнила это бурлящее многолюдство, когда пар от дыхания облаком висел под кровлей дома и сквозь дым от очагов виднелись сотни раскрасневшихся, пьяных, веселых лиц. Случалось, во время шумного пира они с Рери, пяти-шестилетние дети, устраивались под столом – и не затопчут ненароком, и матери не заметят, не погонят спать.

Но однажды, встретив в море Стюрлауга Змеиного, Ингвар конунг был тяжело ранен и с тех пор постоянно хромал. Последний поход к берегам Ирландии вышел неудачным: Кербалл, сын Дунлайнга, король области Осрайге, сперва предложил переговоры и пообещал заплатить богатый выкуп, а сам ловко стравил смалёндцев с людьми конунга восточных гаутов, Тормунда Брови. В сражении Ингвар конунг лишился трех кораблей из своих пяти, потерял много людей из дружины, а хуже всего было то, что пал молодой Рагнвальд конунг, его старший сын и наследник. После этого несколько зим подряд смалёндцам приходилось туго. Даже конунг с семьей ели хлеб с сосновой корой и мучились животами, а всю шерсть от овечьего стада приходилось продавать, так что королева с дочерями донашивали свои рубахи до дыр. В одну зиму умерла королева Хольмфрид и ее самая младшая дочь, шестилетняя Рагни, а на следующий год умер Гудбранд, средний сын Ингвара – совсем еще юный, только что опоясанный мечом и так и не дождавшийся своего первого похода. От многочисленной некогда семьи Ингвару конунгу остались только двое: дочь Хильдеборг и четырнадцатилетний сын Гудлейв, единственный ныне прямой наследник. Но он старался не терять бодрости и не сгибаться под ударами судьбы, как и подобает истинно достойному человеку.

Взяв лодку на дворе Грима Барана, несколько хирдманов переплыли на Гримкелевы камни и осмотрели корабль. Ингвар конунг наблюдал за ними с берега. До Гримкелевых камней от скалы было не больше четверти перестрела, и можно было легко разглядеть и сам

корабль, и передний штевень со змеиной головой, опрокинутой, словно змей пьет холодную морскую воду. По камням были разбросаны обломки корабельных досок, несколько круглых щитов, синих и красных, валялся опрокинутый ларь, несколько весел, сорванные скамьи, мокрые тряпки, зацепившиеся за острые выступы, и еще какой-то мусор в том же роде. Парус и покрывало кормового шатра исчезли. Возможно, их унесло волнами. А возможно, забрали хозяева корабля.

– Похоже, что ничего нет! – заметил Рери. – Одни щепки.

Переправившись обратно, Эгиль и Бьёрн подтвердили:

– Ничего нет! Груза никакого, только поломанные лари. То ли в воду вывалилось, то ли хозева забрали.

– Значит, многие из дружины уцелели! – сделал очевидный вывод Ингвар конунг. – Очень жаль. Хотелось бы знать, сколько их было.

– И где они сейчас! – добавила Хильда.

– Устроим охоту и узнаем! – предложил Рери. Необычайное происшествие и возможная опасность взбудоражили его, и он скорее радовался, что по округе бродит сотня голодных и злых викингов, чем тревожился. – Куда они могли тут деваться? Если они еще ни у кого не просили приюта, то могли податься только в Олений лес.

– Пошлем хирдманов расспросить людей! – воскликнула Хильда. – Наверняка же они как-то себя обнаружат. Кто-то видел дым в лесу. Или они к кому-то заходили. Рери! – Она оглянулась. – Что ты там застрял?

Рери стоял на месте, с прибрежной скалы рассматривая изуродованный корабль.

– Как ты думаешь, его нельзя починить? – спросил он, обернувшись кТориру.

– Не думаю, что кто-то возьмется! – Пожилой хирдман с сомнением пожал плечами. – Вон, его уже чинили, в борту пробоина. А теперь все дно разошлось, доски плавают, видать, до самой вершины фьорда. С тех пор как старый Траин помер, не думаю, чтобы кто-то взялся за такую работу. Легче новый построить.

Рери тяжело вздохнул и шагом поехал вслед за конунгом и Хильдой. Собственный корабль уже лет шесть-семь был его заветнейшей мечтой, увы, несбыточной. Они с Харальдом жили в доме Ингвара конунга и пользовались почетом, почти как его сыновья, но на самом деле приходились ему племянниками по сестре, и все имущество их рода исчерпывалось серебряными узорными застежками, которыми фру Торгерд закалывала платье.

Их отцом был конунг Хальвдан сын Харальда, двадцать лет назад правивший Южной Ютландией и владевший богатым виком Хейдабьюр. Королевой Ютландии фру Торгерд успела побыть всего четыре года, но с тем временем были связаны ее самые сладкие воспоминания. Хальвдан конунг ничего для нее не жалел: ни одна королева северных морей не могла похвастаться таким обилием нарядных шелковых платьев, такими прекрасными золотыми украшениями, как она. Ничей больше дом не был так обилен едой и питьем, ни на чьих столах не блистали такие роскошные драгоценные кубки, ни у кого другого не прислуживали гостям столько красивых молодых рабынь и рабов.

Именно там, в усадьбе Слиасторп подле вика Хейдабьюр, семнадцать лет назад родился Хрёрек, или Рери, как его звали дома, младший из двух сыновей Хальвдана. Но уже на следующий же год свеи на полусотне кораблей ворвались в Слиа-фьорд, Хальвдан конунг был убит в сражении, защищая Хейдабьюр от разграбления, а королева Торгерд с малолетними детьми едва успела бежать на купеческом корабле. Это нападение не было такой уж неожиданностью: свейский вик на острове Бьёрко соперничал с датским Хейдабьюром, и мало кто сомневался, что поход этот был подготовлен уппландским конунгом Эйриком. Королева Торгерд тогда лишилась и мужа, и владений, и всего своего имущества. И спасибо богине Фригг, что удалось спасти хотя бы детей. Даже много лет спустя она бледнела и голос ее прерывался, когда она рассказывала, как бежала к пристани с годовалым Рери на руках, оглядываясь, успе-

вает ли за ней рабыня-нянька с трехлетним Харальдом. Торир Верный, один из хирдманов Хальвдана, бежал впереди них с обнаженным мечом в одной руке и секирой в другой, расчищая дорогу среди мятущихся толп. Хозяева, два готландских купца, сами с оружием в руках отбивались от всех желающих попасть на борт. Снека была безнадежно перегружена, она совсем погрузилась в воду, но едва королева и рабыня с детьми взошли на борт, как снека выровнялась и приподнялась над водой! Пользуясь чудом, не рассуждая, откуда оно взялось, готландцы сейчас же отплыли. «Сам Один защитил нас! – говорила королева Торгерд, когда рассказывала сыновьям о том дне. – Он не допустил, чтобы наследники Хальвдана конунга погибли! Удача рода спасла нас, когда сам он, надо думать, уже был мертв. Это было последнее, что Золотой Дракон мог для вас сделать».

Только чудом снека выскользнула из гавани, полной боевых кораблей. По пути до Готланда им везло с ветром, а однажды за ними погнался было какой-то лангскип. Небольшая снека, имеющая всего семь пар весел, была совершенно беззащитна, но боги и здесь помогли: лангскип долго пробыл в плавании, его корпус набух и глубоко сидел в воде, а налипшие ракушки и водоросли мешали ему развивать большую скорость. Не смея пристать к берегу, несчастные беглецы всю ночь провели в море, а наутро увидели впереди большой караван: полтора десятка торговых снек и четыре боевых корабля охраны.

Пристав к каравану, шедшему на Готланд, они благополучно проделали путь до Смалёнда. Беглецы спасли свою жизнь и свободу, но все их имущество теперь было на них надето, и от прежней славы остались только воспоминания.

Рожденные подле оживленного вика, одного из крупнейших в Северных странах, Рери и его брат Харальд росли в Смалёнде, «стране маленьких полей». Гористая, заросшая лесом и покрытая торфяными болотами местность позволяла распахивать только маленькие лоскутки земли, которые перед тем приходилось очищать от камней. Камни эти были свалены в большие кучи, и под кучами, по слухам, жили тролли. Под этими же кучами удачливые мореходы прятали свою добычу, и излюбленным предметом вечерних разговоров были эти клады, охраняемые тоже троллями или духами погибших хозяев. Причем саги не лгали – однажды бонд Стейнмод Ложка, выбирая подходящие камни для починки ограды, действительно наткнулся на железный котелок, в котором было три погнутых серебряных обручья, обрубок толстой, крученной из серебряной проволоки гривны длиной с указательный палец и десятка четыре серебряных денариев – франкских монет, частично целых, но большей частью разрубленных. Были даже две золотые монеты, никому не знакомые, потертые, с заклепками – они явно служили когда-то подвесками в ожерелье. Стейнмод бонд тогда купил четыре коровы и приобрел хутор для старшего сына – в хараде еще года два только и разговоров было, что о такой невиданной удаче.

Владения Ингвара конунга северным краем упирались во владения восточных гаутов, а на юге полосой необитаемых лесов отделялись от земель, подвластных датским конунгам. По сравнению с Южной Ютландией Смалёнд был пустынным краем. Жители усадеб и дворов объединялись в общины, которые здесь называли харадами[2], но далеко не в каждом хараде действительно насчитывалась сотня мужчин.

Жители Смалёнда гордились тем, что именно в их краю похоронен сам Один. Известен был курган под названием Одинова гора; рассказывали, что один человек, по имени Колль, однажды нашел в этой горе вход в срубную гробницу, а когда он попытался ее открыть, оттуда вырвался такой нестерпимый свет, что Колль едва не ослеп. Другой человек, Торир бонд с ближайшего хутора, однажды распахал поле возле Одиновой горы и засеял рожью; когда же пришло время убирать, каждый вечер из горы выходил огромного роста человек с копьем в руке и не позволял людям ни войти в дом, ни выйти. И так продолжалось, пока вся рожь не

[2] Дословно – «сотня»

была убрана. Рассказывались еще другие истории: про корабль Одина, на котором он после битвы при Бровеллире отправил в Валгаллу захваченные сокровища, про рунный посох Одина, который у него украл человек по имени Кетиль, а еще про то, как Тор приходил к людям на свадьбу.

Со Смалёндом предание связывало и одну из величайших битв древности – битву при Бровеллире, местечке на озере Аснен. Среди предков Хальвдана был конунг Харальд, по прозвищу Боевой Зуб, сын Хальвдана Отважного, внук Хрёрека Метателя Колец, конунга Съялланда. Рассказывали, что однажды в сражении Харальд конунг потерял два зуба, но на их месте чудесным образом выросли новые – за это он получил свое прозвище. Другие, правда, говорили, что Боевым Зубом конунг Харальд называл свой меч. Так или иначе, это был могучий воин. За время своего длинного и славного правления он привел под свою власть всю Данию, фюльк Вестфольд в Норвегии, датские области Сканей и Блекинге, а еще Нортамберленд в Англии, и Страну Эстов на Восточном пути и Вендоланд на южном побережье Восточного моря. Ему было всего пятнадцать лет отроду, когда он, после смерти отца став конунгом Съялланда, отправился получать свое наследство в Сканей и Блекинге, и род его матери, королевы Гюрид, оказал ему большую помощь войском. Мелкие конунги Сканей и Блекинге думали, что им легко будет от него избавиться, потому что он еще слишком молод, и они смогут вернуть себе земли, отнятые его прадедом, Иваром Широкие Объятия. Но Харальд успешно завоевал все земли, которыми здесь владел его отец, и в конце приобрел владения даже большие, чем имел Хальвдан Отважный. Не было ни одного конунга у датчан или свеев, кто не подчинялся бы ему. Он захватил все земли в Бретланде, которые принадлежали Хальвдану Отважному, и посадил там своих ярлов. В Восточном Гаутланде он сделал конунгом Хьёрмунда, сына Хьёрварда.

Когда Харальд конунг был уже стар, он понял, что ему грозит постыдная для мужчины смерть от старости. Не желая попасть в Нифльхейм, он предпочел славную смерть в бою, чтобы пировать потом среди эйнхериев Валгаллы. И он вызвал на бой своего племянника, Сигурда Кольцо, конунга Свеаланда и Западного Гаутланда. Противники готовились к битве целых семь лет, и у каждого было воинство из двухсот тысяч человек. В войске Харальда был Убби Фрисландский, Ульв Широкий, Хотбродд Упрямый и другие великие герои, а также триста валькирий под предводительством Хед, Висны и Хедборг. На стороне Сигурда конунга сражались могучий Старкад, Эгиль Лысый, норвежец Греттир Злой, Эрлинг Змея и другие могучие мужи. К ним присоединилось великое множество норвежцев, финнов, эстов, куроннов, бьярмов, ливонцев, саксов, англов, фризов и ирландцев. Невозможно перечислить всех знаменитых героев, что сражались в этой битве.

Местом сражения были выбраны торфяные поля Броваллир, что возле озера Аснен. Каждый из конунгов собрал огромное войско. Войско Харальда конунга было столь велико, что для его перевозки потребовалось три тысячи судов. Целые леса свели ради их сооружения, и когда они встали в проливе Каттегат, то заняли его весь, так что любой мог по кораблям перейти из Дании, как по суше.

– Оба конунга побуждали своих воинов отважно идти в бой, звучали боевые рога-луры, и к самому небу взлетали боевые кличи, – рассказывал Торир Верный мальчикам: Харальду, Рери, Рагнвальду, Гудбранду, Гудлейву, и прочие домочадцы вместе с ними слушали, затаив дыхание. Эта сага звучала возле очага каждую зиму, но никому не было скучно ее слушать. – Сражение началось с обмена копьями, потом вступили стрелки из лука, и на поле сражения пролилось море крови. А после уж и мечи покинули ножны, и воины сошлись. Великие подвиги совершил в этой битве Убби Фрисландский. От руки его пал сначала Рагнвальд Мудрый Советчик, потом герой Трюггви и три мужа из рода конунгов Свеаланда. Сигурд конунг, посчитавший за обиду гибель своих людей, послал Старкада навстречу Убби, и тот ранил Убби, но сам

получил еще более тяжелые раны числом шесть. После этого Убби убил Агнара, взял в каждую руку по мечу и продолжал сражаться, пока не пал, пронзенный десятками стрел.

Тогда валькирия Веборг, Щитоносная Дева, убила героя Соти, а потом сумела нанести Старкаду такой удар в лицо, что наполовину отрубила ему бороду, но он схватил бороду зубами и не дал ей упасть. Пришедший от этой раны в неистовство, разъяренный Старкад двинулся дальше сквозь войско данов, убивая всех воинов вокруг себя, и встретил валькирию Висну, которая держала датский стяг. «К своей смерти спешишь ты! – закричала она. – Теперь пришел твой срок умереть!» Старкад закричал в ответ: «Нет, не прежде, чем ты потеряешь стяг Харальда конунга!» Тогда он ударил ее и нанес ей рану в руку, так что пришлось ей выпустить стяг. И после этого он еще убил героев Браи, Грепи, Гамли и Хаки.

Сам Харальд конунг, старый и почти слепой, тоже сражался, стоя на коленях в своей колеснице, держа в каждой руке по мечу, и от рук его пало много воинов и с левой, и с правой стороны от колесницы. Так продолжалось, пока сам Один не нанес удар Харальду, от которого тот погиб. С ним вместе в той битве погибло еще пятнадцать конунгов и тридцать тысяч воинов. А иные говорят, что и сорок тысяч.

Когда Сигурд конунг узнал, что Харальд конунг погиб, он приказал немедленно остановить сражение. На следующий день он отыскал тело Харальда конунга и предал его погребению со всевозможными почестями, и на погребальный костер с ним возложили все его оружие и боевого коня. Говорят также, что сын Харальда, Хрёрек, погиб в один день со свом отцом. Другие же люди говорят, что Хрёрек сын Харальда не погиб, но вместе со своим хирдом и остатками дружины ушел за море куда-то на восток и захватил там себе державу. У Харальда конунга был другой сын, Транд Старый, прадед Хальвдана Ютландского. А Сигурд Кольцо после одержанной победы стал конунгом всех шведских и датских земель. Он же приходится отцом Рагнару Лодброку.

Мальчики, будто зачарованные, слушали предания о конунгах и битвах древности, и эти саги захватывали еще сильнее, поскольку события их разворачивались не так далеко отсюда, а участниками были прямые предки сыновей Хальвдана. Доблесть предков воспламеняла воображение и зажигала кровь, и каждый с детства знал, что счастье конунга в том, чтобы доблестно умереть в битве, а при жизни прославиться завоеваниями, подвигами и добычей. Тем более что в своей судьбе Харальд и Рери видели немалое сходство с судьбой Харальда Боевого Зуба. Они тоже остались после смерти отца слишком маленькими, чтобы сражаться, а его земли были захвачены врагами. Свой долг они видели в том, чтобы вернуть утраченное и даже расширить унаследованные владения. И если это удавалось их дедам и прадедам, то чем они хуже? Иной судьбы они себе не мыслили. Игра в сражение при Бровеллире была их любимой. Харальд, как самый высокий, а еще потому что носил имя знаменитого предка, обычно представлял Харальда Боевого Зуба, а Хильда и ее двоюродная сестра Аслауг были валькириями Веборг и Висной с ее датским стягом.

Но игры играми, а мальчики растут и становятся мужчинами. Кроме доблести и удачи, каждый конунг должен владеть землей, чтобы содержать сильную дружину. Пока же королеве Торгерд нечего было предложить людям, и при вдове Хальвдана остались только двое: рабыня Альви и Торир Верный, который за это и получил свое прозвище. Сам он был родом с острова Съялланд, из наследственных владений Хальвдана конунга, вырос в дружине его отца, Харальда конунга, и теперь считал своим долгом сберечь наследников славного рода и сделать их достойными предков.

В семье брата фру Торгерд приняли хорошо, уважая и кровное родство, и память ее мужа, который жизнью и смертью своей показал, каким должен быть достойный человек. Когда пришло время, мальчиков отдали на воспитание в дом Аринбьёрна харсира. Торир Верный отпра-

вился с ними, поскольку знатному вождю и хозяину большой усадьбы, конечно, недосуг было на самом деле постоянно приглядывать за двумя подвижными и неугомонными мальчишками.

– Ваш отец сидит в Валгалле на самом почетном месте, напротив Одина! – с уверенностью внушал Харальду и Хрёреку Торир. – И каждую ночь он сражается лучше всех!

– А как же Сигурд Убийца Дракона? – Рери уже в детстве был склонен подвергать сомнению все то, что ему говорили.

– Ну, с Сигурдом они, пожалуй, сидят на самом почетном месте по очереди! – Торир готов был идти на разумные уступки. – Но никто другой с ним не сравнится!

– А ты дурак! – говорил Харальд и норовил влепить младшему брату подзатыльник.

В северных странах было много мальчиков, которые так же твердо верили, что их собственный отец сидит теперь в Валгалле на самом почетном месте и иногда уступает его разве что Сигурду Убийце Дракона. А Старкаду, придурку и великанью отродью, никогда, и пусть он хоть обкусает себе с досады локти на всех шести руках! Их воспоминания были как кольца на срезе дерева – память о теплых и холодных годах. В годы удачных походов было весело и изобильно, но добытое доблестью богатство быстро уходило на пиры и содержание дружины, и тогда в хлеб опять подмешивали сосновую кору и опять мечтали, снаряжая корабли…

Их мать, фру Торгерд была миловидной женщиной, с мягкими и правильными чертами лица, но кончик носа у нее смешно загибался вниз, словно хотел сказать: я не высовываюсь. А оттого у фру Торгерд, с ее светлой кожей и почти бесцветными бровями, вид всегда был робкий и испуганный. Ее сыновья думали, что она так никогда и не оправилась от пережитого, но королева Хольмфрид говорила, что и раньше, до замужества, йомфру Торгерд имела точно такой же вид. Здесь, в Хельгелунде, она родилась, отсюда когда-то уехала, чтобы выйти замуж за молодого, но уже прославленного Хальвдана конунга, и сюда вернулась с двумя малыми детьми, чтобы навсегда обрести свой покинутый было дом. Но ее сыновья знали, что этот дом для них чужой, хоть и жили здесь, не видя от родного дяди ничего, кроме добра и заботы. Харальду было особенно обидно: он родился наследником отца и получил родовое имя будущего конунга. А теперь его ожидала, в лучшем случае, судьба «морского конунга» – предводителя дружины, который ищет себе подвигов и славы на морях и гордится тем, что никогда не ночует под закопченной крышей. Их род был достоин большего.

Но вестманландский конунг Сигимар по прозвищу Хитрый, победивший Хальвдана, прочно обосновался в Южной Ютландии и передал ее по наследству своим сыновьям. Так что сыновьям Хальвдана, которые теперь уже подросли и могли бы сами править, было некуда вернуться. Впрочем, в этой превратности судьбы таилась и надежда. Как говорил Торир, ни один конунг не пришит к своей земле тюленьими канатами, кто-то теряет владения, а кто-то приобретает, причем зачастую в самом неожиданном месте – и для удачливого отважного вождя какая-нибудь держава всегда найдется. Хватило бы отваги и удачи, а земли в Среднем Мире много! Ведь и сам Сигимар Хитрый отправился искать себе доли за морями после того, как уппландским конунгом Эйриком был изгнан из родного Вестманланда.

– Жаль, что корабль так пострадал! – сказала рядом Хильда. Рери, совсем утонувший в своих мыслях, вздрогнул: она словно знала, о чем он думал. – А иначе его можно было бы починить и вы с Харальдом могли бы пойти на нем в поход! – продолжала она, и Рери не удержался от тяжкого вздоха.

Ни о чем другом он и не мечтал с тех самых пор, как пять лет назад его опоясали мечом – скромным изделием конунгова кузнеца Флоси, из местного же болотного железа, которым, главным образом, Ингвар конунг и собирал дань со своих подданных.

– Да пусть бы его тролли съели! – сквозь зубы пробормотал Рери, сжигая взглядом разбитый корабль, словно тот был виноват в его бесславной участи. – А про меня скоро будут говорить, что я сижу в золе! Мне семнадцать лет, я уже пять лет мужчина, а что я за это время сделал!

– Но вы же ходили на Готланд продавать шерсть и железо! – Хильда очень хотела его утешить.

– Нечего сказать, славное деяние! – Рери хмыкнул. – Самое подходящее для сыновей конунга!

– И в Бьярмию вы тогда ходили, два года назад. Это же был настоящий поход, вы привезли и меха, и пленных.

– Этот поход прославил твоего дядю Рагнара, а нас он просто взял с собой. Он даже в сражение нас не пустил, велел сидеть на корабле, смотреть и набираться опыта.

– Если бы вы погибли, опыт вам был бы уже ни к чему. Знаешь, как говорил мой дед: всегда лучше начать с малого, а потом постепенно идти к большему, чем сначала прославиться, а потом опозориться. Вы начали хорошо, и я уверена, что дальше будет еще лучше.

– Когда будет? Когда? – Рери остановил коня и повернулся к Хильде, яростно сверкая глазами. Ни перед кем другим он не мог бы так ясно выказать свою досаду, но Хильда была его лучшим другом и он любил ее, как родную сестру. – Ингвар конунг в походы больше не ходит. Кораблей и дружины для нас у него нет. А то, что приносит волнами, годится только на дрова! – Он досадливо махнул плетью в сторону фьорда, где поверженный «змей» сползал все ниже к воде. – Что же нам теперь, наниматься простыми хирдманами к какому-нибудь «морскому конунгу»? Такая жизнь, по-твоему, пристала сыновьям Хальвдана Ютландского? Даже эта прилизанная кошка, Вигдис из Мшистой Горки, на осенних пирах не захотела сидеть со мной рядом! Она сказала, что мое место – в золе у очага!

– Как она смела! – Хильда даже побледнела от возмущения. – Да если бы я знала, я бы ей все ее жидкие рыжие волосенки повыдергала! Как ты это стерпел?

– Если бы она это сказала мне самому, я бы ее убил на месте! Это мне передала Бера, – Рери смутился и немного остыл. – Ну, не мне передала, а я случайно слышал… Ну, она говорилаТориру… Я же не подслушивал, ты понимаешь, просто я в ту ночь спал у самого прохода, а они меня не разглядели в темноте, а я уже проснулся…

– Если эта дурища еще раз тут покажется, я ее саму носом в золу суну! – пригрозила Хильда. – Чтобы веснушек не было видно! Ну, ничего! Выбрось из головы. На следующий год ты сам не захочешь сидеть с ней рядом. Ты будешь сидеть с кем-нибудь покрасивее и поумнее ее, а эта хюльдра пусть жмется в углу и давится костями от обиды! Так и запомни! Тоже, нашел, по кому страдать!

– Я вовсе по ней не страдаю! – буркнул Рери. Не такая уж она красавица, эта Вигдис, только воображает о себе невесть что. – Выдумала!

Насчет Вигдис он знал кое-что, чего не знала Хильда и чем он не собирался делиться. Прошедшим летом, под конец праздника Середины Лета, Вигдис ему заявила, что теперь он вполне может на ней жениться. Рери вытаращил глаза: это с какой стати? Подумаешь, погуляли в роще – на Середине Лета все со всеми гуляют. А в жены ему, сыну конунга, дочь бонда из Мшистой Горки никак не годится. Тут она и заявила, что таких конунговых сыновей без земель и подданных хоть сетью выгребай и что особенно заноситься ему перед ней незачем – у ее отца хоть имеется хутор, скот и пастбища, а у него, Рери, что? Короче, разошлись они страшно злые друг на друга, и с тех пор Вигдис всячески старалась принизить его достоинство. Знала, коза безрогая, что враждовать с женщиной Рери посчитает ниже своего достоинства. И занимало его совсем другое.

– Но сколько, скажи мне, сколько я еще буду сидеть дома с вами, как девчонка! – с тоской промолвил он, глядя в море.

– Не говори глупостей, – отмахнулась Хильда. – Ты такая же девчонка, как я – Рагнар Кожаные Штаны. Успокойся. Умные люди понимают, что тебе не хватает только подходящего случая, чтобы себя проявить. А на дураков нам оглядываться нечего.

Хильда привыкла утешать двоюродного брата, который только ей одной поверял свою досаду и нетерпение, но при этом ничуть не кривила душой. Оба сына Хальвдана Ютландского выросли настоящими мужчинами – крепкими и сильными. Светловолосый и голубоглазый Харальд был высок ростом, с длинными ногами и широкой грудью, с красивым лицом, благодаря чему имел большой успех у девушек – но относился к этому успеху с внешним презрением, понимая, что сыну конунга гордиться следует не этим. Рери, хоть и уступал старшему брату статью и красотой наружности, был не менее сильным и ловким, отличался решительностью, честолюбием, но и здравым смыслом, редким для юного возраста. Среднего роста, он, однако, имел сильные руки, широкие плечи и крепкую спину (Хильда и Аслауг, когда подросли настолько, чтобы начать разглядывать и оценивать мужчин, сошлись между собой во мнении, что у Рери самое красивое – это спина, и даже жаль, что сам он не может этого увидеть). Неустанно упражняясь во всех играх и искусствах[3], он на каждых состязаниях во время тинга, йоля или Середины Лета одерживал победу – или в беге, или в плавании, или в прыжках, или в метании копья, и азарт и упорство вполне возмещали ему недостаток роста. У него было обычное лицо с мягкими чертами, желтова-серые глаза и русые волосы с легким рыжеватым отливом. В обычное время он выглядел человеком добродушным и дружелюбным, каковым, собственно, и был, но каждый раз, когда он волновался, напрягался или тем более сердился, его глаза превращались в щелочки и взгляд сверкал, как настоящая сталь. Бывало, он улыбался, победив в каком-нибудь состязании на играх Середины Лета или выиграв бой у Харальда или кого-нибудь из хирдманов, но глаза его и тогда оставались злыми: улыбаясь, он еще не успевал остыть и по-прежнему был сосредоточен на борьбе. «У Рери злые глаза победителя! – с одобрением говорил Ингвар конунг. – Парень с такими глазами непременно своего добьется, чего бы это ему ни стоило!»

Рери действительно злился, если ему не удавалось чего-то добиться, и ему невероятно обидно было сидеть в Хельгелунде под боком у хромого дяди, когда на свете так много возможностей раздобыть славу и богатство! Свой род Рери знал почти до самого Одина, происхождение от которого и давало ему право претендовать почти на любой престол в Северных странах. Если только нынешний владелец не станет возражать…

Но ведь право только тогда чего-то стоит, когда подкрепляется силой. Если бы только он не был прикован к этим скалистым пригоркам, где пасутся коровы и овцы бондов, своей бедностью и одиночеством! Если бы Ингвар конунг поверил в сыновей своей сестры и помог им с войском, как Харальду Боевому Зубу помогли родичи его матери, королевы Гюрид! Ингвар конунг и сам любил поговорить о том, что хорошо бы ему снова отправиться в поход, чтобы не умереть от старости в своей постели. Но старость еще на пороге не стояла, и каждый год что-нибудь мешало: то урожай плохой, то знамения на йоль выдались неблагоприятные. А прошлой весной старуха королева Рагнхильд вдруг слегла в постель и потребовала, чтобы сын дождался ее смерти и самолично устроил достойное погребение; Ингвар послушался мать и остался дома, а она проболела все лето да и встала, и теперь снова снует по усадьбе, ни днем ни ночью не переставая прясть на ходу[4], гремит ключами и покрикивает на рабов.

Рери подавил тяжкий вздох. Его мышцы сами собой напрягались, казалось, еще немного, и какие-то крылья поднимут его, как Вёлунда, и понесут – к свободе и славе…

Вернувшись домой, Ингвар конунг разослал по округе людей. И они привезли такие новости, что даже Рери перестал жаловаться на скуку. Викинги с погибшего корабля объявились, да еще как! Три дня назад, еще пока буря вовсю бушевала, они нагрянули в Ивняковую Горку, двор Аудуна бонда, и угнали из хлева всю скотину: пять коров и шестнадцать овец. Три

[3] Имеются в виду «девять искусств», которым обучали знатных людей (см. Пояснительный словарь)

[4] Для прядения, собственно, не нужно ничего, кроме веретена с прясленем и кудели, которую можно привязать к палке, засунутой за пояс, поэтому в Скандинавии женщины имели привычку прясть на ходу по пути на пастбище и так далее.

сторожевые собаки потом были найдены убитыми, а хозяева, сидя в доме, за шумом ветра даже ничего не услышали. И им еще повезло. Через день незваные гости явились на пастбище Альвира бонда, откуда еще не угнали на зиму скот. Альвир бонд лишился шести коров из своего стада, а пастух обнаружился на подвядшей траве пастбища – зарубленный. Хорошо еще, что женщины-скотницы как раз понесли в усадьбу свежий сыр, а не то их участь была бы плачевна.

– Это настоящие разбойники! – говорил потом Альвир бонд, сам прискакавший в Хельгелунд. Это был один из так называемых «больших бондов», то есть имевших не только рабов в доме и работников на полях и пастбищах, но и «младших бондов», которые нанимали у него часть земли и вели там свое хозяйство. – Я требую, конунг, прикажи собирать войско! Если оставить этих разбойников делать что хотят, то скоро у нас во всем хараде не останется ни одного дома, где они не побывают! Мы должны защищать свое имущество!

– Может быть, они уйдут! – говорил фру Торгерд. По опыту зная, что такое сражение возле порога дома, она совсем не хотела увидеть это еще раз.

– Куда же они уйдут, сестра, если у них нет корабля! – Ингвар конунг не надеялся на такой легкий исход. – Они так и будут разбойничать, пока не захватят чей-нибудь корабль!

– Может быть, наш! – вставил возбужденный Рери. – Надо поставить возле сарая охрану!

– Непременно! – согласился Ингвар конунг. – Поезжай-как ты к Вемунду харсиру, Альвир, а на обратном пути расскажешь мне, что он ответит. Если он нас не поддержит, то мы не много людей соберем.

– Если он не прикажет своим людям немедленно вооружаться, то я буду считать его жалким растяпой! – надменно вставила Хильда. – Так ему и передай, Альвир.

Вемунд Стрела, один из самых знатных людей Смалёнда, приходился сыном Аринбьёрну, бывшему воспитателю Хальвдановых сыновей. Он славился как искусный стрелок из лука и даже хвалился, что привез из Страны Финнов чудесную стрелу, которая никогда не пролетает мимо цели и всегда сама возвращается к хозяину. В это верили не все, но несомненно, что Вемунд был удачлив в походах. В прошлом году, с богатой добычей вернувшись из Ирландии, он даже решился посвататься к Хильде. Но Ингвар конунг предоставил дочери самой дать ответ, а она сказала, что Вемунд харсир еще недостаточно прославился, чтобы брать в жены дочь конунга.

– От этой славы одни беды! – убеждала ее тетка Торгерд, которая не желала племяннице повторить ее собственную судьбу. – Ты молода, ты родилась в семье конунга и тебе хочется стать королевой, я понимаю тебя. Я была такой же в твои годы. Но посмотри на меня и подумай, как сложилась моя судьба! Каждый год знатные конунги ходят в походы, а ты будешь ждать, не зная, вернется ли твой муж, и не нагрянет ли, пока его нет, какой-нибудь враг, жаждущий мести. А враги у любого достойного человека есть всегда. Неужели и ты хочешь бежать с малыми детьми на руках, бежать от смерти и плена, а потом мыкать горе по чужим углам! А с Вемундом харсиром тебе будет хорошо. Он достаточно доблестный человек, чтобы защитить свой дом и свою честь, но он не славится по всем морям и никто не пожелает его убить, чтобы прославиться победой над ним, как было с моим мужем!

– Но он такой старый! – Хильда морщила нос. Ей тогда было восемнадцать, а Вемунду харсиру уже тридцать пять, и он казался ей совсем стариком. – Я не хочу остаться вдовой с малыми детьми, которые не смогут позаботиться о себе и о доме! А со старым мужем этого не избежать!

– Ты точно так же можешь остаться вдовой с малыми детьми, если выйдешь за двадцатилетнего! В том ирландском походе погибло немало людей, и очень многие были моложе, чем Вемунд харсир. А он ведь остался жив! При удаче и благоразумии он еще двадцать лет проживет, твои дети успеют вырасти.

Все это было мудро и справедливо, но Хильда упрямо качала головой:

– Молодой муж, конечно, может погибнуть в любой день, но зато он может прожить еще сорок лет. А старый муж этого не может, и через двадцать лет его уж наверняка не будет со мной!

– Гьёрдис дочь Эйлими выбрала из двух женихов того, что постарше и поопытнее, и сын их стал великим героем!

– Это еще не доказывает, что она не ошиблась! Ведь молодой отвергнутый жених в конце концов разбил старого и опытного, и она осталась вдовой, беглянкой со своим распрекрасным сыном! И, может быть, от молодого мужа она родила бы героя еще лучше! Ведь твердость духа, ум, достоинство наследуются от матери, она сама несет их в себе и передаст сыну, кто бы ни был муж! И я предпочитаю жениха помоложе.

– И кого же ты предпочитаешь?

На этот вопрос Хильде было нечего ответить, и тетка знала об этом заранее.

– Ну-ну! – с горьковатой насмешкой прибавила фру Торгерд. – Может быть, конечно, следующий год будет урожайным на женихов… Но имей в виду: прославленные герои редко доживают до седых волос. Им-то в Валгалле хорошо, а судьба домочадцев их там не волнует!

– Ладно, сестра, не пугай мою девочку! – добродушно отвечал Ингвар конунг и одобрительно трепал Хильду по плечу. – Ведь и она – королевского рода. А люди королевской крови предпочитают рискнуть и выиграть, чем сидеть и обеими руками сжимать свою единственную ворону[5]! Нужно выбирать риск и смело идти навстречу опасности – без этого нельзя пробудить свою удачу, а без удачи не стоит жить. Правда, Хильда?

– Правда! – весело отвечала Хильда. В юности картины возможных поражений не очень-то убеждают, и у нее еще не было детей, за которых она могла бы бояться.

[5] Намек на скандинавскую пословицу «Лучше одна ворона в руках, чем две на крыше».

Глава 2

Но Вемунд харсир не терял надежды и теперь обрадовался, узнав, что у него есть отличный случай умножить свою славу, не снаряжая кораблей. На другой день он примчался в Хельгелунд, и Ингвар конунг собрал дружину и ближайших хёвдингов на совет.

– Судя по тому, сколько скотины им требуется для прокорма, их там не так уж мало! – говорил Торир Верный. – Но раз они где-то запрятались, так что за четыре дня их никто не увидел, их не так уж и много!

– Погоди, еще увидим! – отвечал Ингвар конунг. – По ночам теперь холодно, зима на носу. Если от них вовремя не избавиться, то никому в округе житья не будет. Скоро им надоест сидеть в лесу и они пойдут искать себе теплый дом!

На другой день в Хельгелунд прискакал парень из усадьбы Бобровый Ручей. Разыскивая корову, он наткнулся в лесу на стоянку разбойников.

– Это в Ясеневой лощине, где ясени и дубы! – рассказывал он, взмахами руки показывая куда-то к лесу. – Там такая лощина у нас огромная, три усадьбы на дне поместится, и вся заросла деревьями, такими огромными, а когда стоишь наверху, то вершины прямо на тебя смотрят. Ну, вот, они там! Было бы лето, ничего бы не разглядеть, а теперь листья попадали, и все видно. Народу – тьма, человек сто! Ну, не сто, ну, десятков шесть-восемь точно будет. Их не очень-то посчитаешь, они там кто по шалашам сидят, кто ходит туда-сюда! Шалашей себе нарубили, где лапником крыто, где жердью, и десяток – шкурами коровьими! Это Альвира бонда коровы, точно! Я одну точно узнал, я эти рыжие пятна помню, она однажды в наш ячмень забралась! Я как их нашел-то: шел по лесу, учуял дым!

– Уже костры днем жгут, совсем обнаглели! – возмутился Харальд. – Думают, здесь живут одни трусы, которые за свои дома постоять не могут!

– Значит, пора собирать людей! – решил Ингвар конунг. – Харальд, вели достать ратную стрелу.

– Позволь, конунг, я сам с ней поеду! – Рери вскочил, так ему не терпелось хоть что-то делать.

– Если мы успеем накрыть их там, пока они не знают, что обнаружены, то победа будет наша. Поезжай скорее!

Вся округа вооружалась: рыбаки, бонды, хёльды точили оружие и поправляли щиты. Право голоса на тинге имеет только тот, кто ежегодно является на вапнатинг – оружный смотр, и старик сохраняет свои права только до тех пор, пока может натянуть боевой лук. А какие богатые плоды приносит ратная доблесть, знали все, поэтому каждый свободный мужчина в Северных странах стремился обзавестись защитным доспехом из простеганной кожи, с подкладкой из пакли, шлемом, щитом, мечом, копьем или топором – что позволял достаток и что лучше приходилось по руке.

Через день-другой должен был подойти Берг харсир с людьми из двух южных харадов, и тогда пора будет выступать.

Но уже назавтра усадьба Хельгелунд поднялась ночью.

– Горит, горит! – кричал кто-то, во всю мочь колотя в запертые ворота. – Хрольвов дом горит, Каменная Голова горит!

Это был Халль, работник Асгейра бонда, ближайшего соседа Хрольва из Каменной Головы. Завидев за пригорком дым и отсвет огня на склоне, Асгейр послал работника к конунгу, а сам с домочадцами побежал было к Каменной Голове, помочь на случай, если это обыкновенный пожар от уголька с очага. Но это был не обыкновенный пожар: вокруг Каменной Головы крутилась огромная толпа вопящих мужчин, пламенные отблески плясали на обнажен-

ных клинках. Благоразумно пустившись обратно, Асгрейр бонд со всеми домочадцами встретил людей Ингвара конунга на полдороге.

– Их человек сто! – твердил Асгейр, который, хоть и мог со страху в темноте обсчитаться, но едва ли на очень много. – Это тролли какие-то, а не люди, хримтурсы!

Не решаясь оставаться в своем доме поблизости от разбойников, Асгейр с домочадцами отправился провести остаток ночи в усадьбу Хельгелунд. В спешке, ночью, Ингвар конунг мог бы собрать, считая своих домочадцев и ближайших соседей, не больше шести десятков человек, и глупо было нападать таким малым числом на хорошо вооруженных, опытных в битвах, а еще ожесточенных скитаниями разбойников.

Оказалось, что Асгейр бонд, бежав из дому, был более чем прав. Наутро, отправившись проведать брошенное жилье, он обнаружил его захваченным. Лежа за камнями на гребне горы, он сверху мог наблюдать, как закопченные дымом лесных костров, лохматые и свирепые викинги расхаживают по его усадьбе и распоряжаются его добром, как своим собственным. Прав был Ингвар конунг, считавший, что пришельцы замерзли в лесу и захотели перебраться в теплый дом с очагами. Хрольв из Каменной Головы не пожелал их пустить, и они просто подожгли усадьбу. Судьба самого Хрольва с его домочадцами так и оставалась неизвестной, но Каменная Голова лежала обугленными развалинами, над которыми и сейчас еще поднимался душный вонючий дым.

Теперь уж всем в округе стало не до шуток: это была настоящая война, притом враг располагался в жуткой близости. Это не обычный «береговой удар», когда проплывающие мимо викинги просто забивают скотину на пастбищах, чтобы раздобыть себе мяса – вещь неприятная, но житейская и кое-как терпимая. В иных областях тинги принимают законы, объявляющие «береговой удар» преступлением, но большинство предпочитает с этим явлением мириться – что толку в законах, если преступников обычно не удается догнать и ответчиков не найдешь между небом и морем?

– Если уж они дома захватывают, стало быть, располагаются здесь зимовать! – рассуждали напуганные жители. – И скоро пойдут по дворам, обложат данью всю округу, и мы будем эту ораву троллей всю зиму кормить!

– И хорошо еще, если весной они уйдут. А если им тут понравится?

– Ну вот, ты уже дань платить собрался! А конунг у нас на что?

Несколько ближайших к Асгейрову двору жилищ опустело: не дожидаясь, пока придут забрать их хлеб, скот, одеяла и женщин, бонды снимались с места, со скотиной, домочадцами и самыми нужными пожитками бежали просить пристанища в усадьбах поближе к конунгу. День и ночь, даже у себя дома, мужчины не расставались с оружием. Женщины не выходили со дворов, и Хильда была единственной, кто осмеливался показываться за ворота. Вопреки настояниям родных, она не желала сидеть взаперти, когда такое творится, и вместе с Рери и Харальдом ездила по округе, собирая людей. Рери был возбужден и весел: возможность совершить подвиг пришла к нему домой, и он был уверен, что в близкой битве отличится на славу.

– Вы рано собираетесь платить дань каким-то разбойникам! – говорил он перепуганным бондам. – У вас ведь есть конунг, а еще есть мы, сыновья прославленного Хальвдана Ютландского! И пока мы живы, в Смалёнде никто не будет собирать дань, кроме законного конунга!

Иные считали Хрёрека сына Хальвдана чересчур самонадеянным для семнадцатилетнего парня, который ничем еще, по большому счету, не отличился. Но при виде его уверенного, даже немного насмешливого лица, его сердито суженных серых глаз, отливавших сталью, даже бондам становилось стыдно той суеты, которую они подняли.

Наконец подошел Берг харсир. С ним было десятков семь разнородного войска: каждый бонд собрал своих сыновей, прочих родичей и работников. Пришло время показать, не впустую ли каждую весну на тинге проводится оружный смотр.

– Так ты думаешь, конунг, что мы одолеем этих людей? – спрашивал Берг, уже старый, лет пятидесяти, широкий, круглолицый мужчина с крупным носом и большой густой бородой, закрывавшей всю грудь. Он носил прозвище Одноглазый, но этим ему скорее льстили: оба его глаза были на месте, но левый, мутный, будто оловянный, уже несколько лет не видел, что, конечно, мешало ему биться.

– У нас почти две сотни бойцов, вдвое больше, чем у разбойников.

– Но там настоящие бойцы, а у нас так, одно название! Я не уверен, что все эти бонды и пастухи не побегут, как только запахнет настоящей кровью.

– Но мы-то с тобой не побежим, да, Берг харсир? – Ингвар конунг улыбнулся. – Ты уже стар бегать, тебе самое время доблестно погибнуть в битве, чтобы избежать пустячной стариковской смерти. В походы ты уже не ходишь, так когда же тебе еще представится такой удачный случай?

– Спасибо за заботу о моей чести. Ты помнишь о своей хромой ноге, конунг?

– Значит, я ни в коем случае не побегу! – с удовлетворением отвечал Ингвар, будто вдруг открыл в своей хромоте новое достоинство. – А пока конунг не бежит, его войско сражается.

– Брат, лучше бы тебе остаться дома! – в который уже раз умоляла фру Торгерд, заламывая руки. – Поручи войско Вемунду харсиру, он здоров и опытен! А насчет твоей ноги Берг харсир совершенно прав – для тебя слишком опасно вступать в поединок с разбойниками! Ты же не хочешь оставить свою землю без конунга, пока твой сын еще так юн!

– О чем ты говоришь, сестра! Я испытал уже все хорошее, что может дать жизнь: у меня были походы и битвы, слава и добыча, у меня были хвалебные песни, красивые женщины, верная дружина, добрая жена и прекрасные дети. Мне нечего желать в жизни, кроме достойной смерти. Конечно, все эти люди правы: в битве с викингами нам придется нелегко, но напряжение всех сил души и тела пробуждает удачу, заложенную в человеке! Вот и выходит, что смело идти навстречу опасности, даже на хромых ногах, – это наилучший способ победить. Свою судьбу человек выращивает сам, и вскармливают ее решения, которые мы принимаем. Запомните это, дети мои, на тот случай, если мне больше не придется вам об этом сказать!

Не только дети и оба племянника, но и Вемунд харсир вполне разделял взгляды конунга на судьбу и удачу. Вемунд был бы совсем не прочь возглавить войско – если бы он заменил конунга в битве, да еще и выиграл ее, то даже йомфру Хильда не нашла бы повода отказать ему в своей руке. Дружина Вемунда была готова уже несколько дней: его люди имели хорошее оружие, крепкие щиты с железными умбонами, а у четверых даже имелись кольчуги, привезенные из походов. С собой они привели кузнеца, чтобы чинить оружие, которое пострадает в грядущей битве. Сам Вемунд харсир, в кольчуге, в шлеме с полумаской, выглядел почти как Сигурд Убийца Дракона – если у Сигурда, конечно, были темно-русые усы и рыжеватая борода, которая казалась чужой, позаимствованной на время. Зато меч его, по имени Рассекающий, был чудо как хорош: рукоять и ножны украшены золочеными с чернью узорами, а на прекрасном стальном клинке была выбита непонятная надпись какими-то чужими рунами.

– Это меч из Рейнланда! – хвастался Вемунд, показывая свой клинок сыновьям фру Торгерд. – Он стоит столько же золота, сколько сам весит! Но я его и за столько не продам!

– Мой отец после своих походов в Рейнланд мог целый корабль загрузить такими мечами! – надменно заметил Харальд, тщательно скрывая зависть. – А ты свой, наверное, за деньги купил!

– Я получил его в качестве выкупа за ирландского короля Аэда, которого захватил в плен в долине реки Лиффи. А с помощью этого меча я уже взял немало хорошей добычи! – Вемунд не смутился и лихо подкрутил свой ус, по последней моде заплетенный в тонкую косичку. Он понимал, что сыновья датского конунга завидуют ему, и это только повышало его настроение. Возможно, что Хальвдан Ютландский когда-то привозил такие клинки десятками, но где они

теперь? Его сыновья ни одного такого меча и в руках не держали, им только и остается, что пожирать глазами чужие сокровища.

– Твой меч так хорош, что в него можно влюбиться! – Хильда улыбнулась. Выросшая среди воинов, она умела оценить качество оружия.

– А в хозяина его, по-твоему, влюбиться нельзя? – как бы мимоходом, словно его это не занимает, полюбопытствовал Вемунд.

– Ну, только если получить этот меч как свадебный дар, тогда я бы подумала! Но если ты отдашь его невесте, то биться тебе придется, как Фрейру, оленьим рогом! А у нас теперь такие гости, что против них нужно настоящее оружие!

– Я привезу тебе парочку голов! – пообещал Вемунд. – Как знать, может, среди нашей добычи найдется и другой меч, подходящий для свадебного дара!

Смелость лучше
Силы меча
В битве героев, —
Доблестный муж
Одержит победу
Мечом ненаточенным![6]

– выразительно прочитал на память Харальд, всем видом показывая, что хороший меч – еще не повод для гордости.

Смелому лучше,
Чем трусу, придется
В играх валькирий;
Лучше храбрец,
Чем разиня испуганный,
Что б ни случилось![7]

– так же выразительно и даже немного насмешливо ответил Вемунд продолжением той же песни, и оба сына Хальвдана одинаково побледнели от гнева. Уж не на то ли он намекает, что они – испуганные разини, еще ничем не доказавшие свою доблесть!

– Что это вы тут за саги принялись, как будто уже йоль? – в гридницу заглянул Торир Верный. – Там конунг приказал коней седлать, вы с ним едете или нет?

Усадьба и ближайшие дворы были забиты вооруженными людьми, и теперь все они собирались в одно место: на широкую луговину под откосом холма, на котором росла сама священная роща, давшая название округе Хельгелунд. Только в праздники, когда приносят жертвы, и только сам конунг, являвшийся также и верховным жрецом своего народа, имел право входить туда, чтобы повесить на ветви дубов барашков или петухов. У подножия дубов белели в жухлой траве выложенные камнем жертвенные круги с очагом посередине, возле которого жертву посвящали богам. На этом месте собирался общий тинг четырех харадов, составлявших округу Хельгелунд, здесь Ингвар конунг приносил по праздникам жертвы и призывал милость Светлых Асов и Добрых Ванов, здесь он разбирал тяжбы и объявлял приговоры. И здесь теперь задымили костры собирающегося войска. Бонды грелись в ожидании похода: хорошо, что идти было недалеко, и уже вечером беглецы надеялись вернуться в свои брошенные дома.

[6] «Старшая Эдда», пер. А. Корсуна

[7] то же

Старая королева Рагнхильд, фру Торгерд, Хильда со служанками, кое-кто из окрестных жителей наблюдали за сборами войска с пригорка. Жервы были принесены, королева Рагнхильд бросала «кровавые прутья», то есть рунные палочки, окрашенные кровью жертвы, но знамения выпали неопределенные: руны обещали и приобретения, и потери. Надеясь умилостивить богов, Ингвар конунг даже пообещал, в случае удачного исхода, принести в жертву Повелителю Ратей одного из пленных.

– Конунгу, конечно, виднее! – вполголоса заметил Сигмунд Ремешок, один из торговых гостей, зимовавших у конунга. – Но многие люди, особенно за морем, говорят, что приносить в жертву людей – глупый и злой обычай и после смерти все, кто это делал, будут наказаны.

– Похоже, ты наслушался франкских аббатов! – насмешливо отозвался Орм сын Торда. Это был еще молодой мужчина, лет двадцати семи, но с войском он не пошел, потому что во время летней поездки был ранен в правую руку и теперь еще не годился для битвы. – Я в Бьёрко про это слышал. Там были несколько лет назад франкские монахи, убеждали людей, что-де старые боги никуда не годятся и поклоняться надо новому богу, который один все создал и всем правит, всех людей наделяет судьбой, судит и наказывает или награждает после смерти. Многие слушали их, но потом свеи опомнились, как у них ни урожая, ни улова не стало, и прогнали монахов взашей, а имущество разграбили. Однако, теперь многие, кто торгует за морем у франков или англов, привозят оттуда амулеты нового бога, в виде такого вот крестика, – он показал пальцами. – Может, и ты, Сигмунд, прикупил себе нового бога по дешевке? Ты ведь всегда умеешь купить подешевле… только иногда покупаешь такую дрянь, которую и брать-то не стоило!

Вокруг засмеялись, а Сигмунд промолчал. В кошеле на поясе у него и правда имелся небольшой медный крестик, привезенный из Кельна. Там он крестился, чтобы получить кое-какие привилегии в своей торговле. Причем это было во второй раз, а впервые он крестился пять лет назад в британском Эофервике. Там ему в придачу дали еще и новую белую рубашку, так что эта новая вера – не такое уж невыгодное дело, как думают глупцы…

– Принесение жертв не может быть глупым обычаем! – поддержала Орма йомфру Хильда. – Я знаю, Годфред конунг однажды даже принес в жертву не простого пленника, а самого конунга, который попал к нему в плен. Это было где-то за морем, только не у франков, а у реригов. Не помню, как его звали.

– Его звали Годолеубо, – добавила фру Торгерд и вздохнула, как вздыхала всегда, когда вспоминала времена своей молодости и славы. – Я эту историю хорошо помню, ее в Хейдабьюре все знают. Он правил в земле реригов, в их самом большом городе, который называется Рёрик. Годфред конунг взял в плен Годолеубо конунга и принес его в жертву Одину. Он умел делать такие вещи: чтобы Один принял жертву и остался доволен, надо человека повесить и одновременно пронзить копьем.

– Не сказать, чтобы Годфреду конунгу сильно пошла на пользу милость Одина! – язвительно возразил Сигмунд. – Недолго он после того прожил. Года два или даже меньше, ведь верно? Да еще и говорили, что хоть на него напали норвежцы, натравил их на него собственный его племянник Хемминг. Может, конечно, и не натравил, но он знал, что конунгу грозит опасность, и не помог ему, хотя имел под руками людей и корабли. И болтали, что сделал он это ради какой-то женщины, то ли жены Годфреда, то ли наложницы. Скажете, это достойная смерть?

– Молчи, Сигмунд! – тут уже несколько человек в негодовании напустились на торговца. – Не твоего ума дело – рассуждать о судьбе конунгов! От предательства никто не убережется, даже сам Сигурд Убийца Дракона получил копье в спину от собственных родичей, но разве это умаляет его доблесть? Или скажешь, ему тоже надо было не почитать богов и поклоняться британскому Кристусу?

– Хотя многие достойные люди и не почитают богов! – добавил Орм. – Хотя бы Рагнар лагман. Он говорит, что надеяться надо на себя, на свою силу и удачу, тогда и за морями, где уже совсем другие боги правят, не пропадешь. И я думаю, он прав, ведь где-нибудь в Миклагарде Один и Тор едва ли помогут. Так что же теперь, в каждой стране менять богов? Вон, Сигмунд правильно делает: здесь жертвы приносит Тору, а в Дорестаде – Кристусу. Пусти его к бьярмам, в Страну Белок, он и тамошнему богу Йомали поклонится, правда, Сигмунд?

Вокруг засмеялись, а Сигмунд поджал губы с таким видом, что, дескать, на эти глупые нападки не стоит и отвечать.

– Ну, ладно, ладно, что вы совсем человека застыдили! – Старый Кальв бонд вроде бы вступился за Сигмунда, а сам тайком подмигнул Хильде, поглаживая бороду. – От христиан тоже бывает польза умному человеку. Они ведь месяцами не едят мяса, их бог запрещает, и потому покупают соленую сельдь целыми кораблями! Сколько ни привези осенью куда-нибудь на тот берег, в тот же Рёрик, в котором вечно пасутся целыми стадами купцы франков… Или в Дорестад, скажем. Все раскупят! Так что смеяться можно, но и выгоду не надо забывать!

– Ты, похоже, неплохо заработал… в Дорестаде! – насмешливо откликнулась фру Боргхильд из Северного Склона. Она знала, что Кальв бонд за всю свою жизнь дальше Готланда ни разу не бывал и о дальнем береге Восточного моря знает только понаслышке.

Люди посмеивались, стараясь смехом заглушить тревогу и не показать, как нехорошо на душе. Фру Торгерд и Хильда провожали глазами войско, которое неровными рядами тянулось по долине, уходя в сторону Оленьего леса. Ингвар конунг и Вемунд харсир ехали впереди.

– Как Один и Тор! – вздохнула фру Торгерд, намекая на полуседую голову Ингвара конунга и рыжую бороду харсира. – Хотела бы я увидеть, как они вот так же, плечом к плечу, возвращаются обратно!

– И молодые конунги тоже! – вставила Герд, дочь Гисли Овечьего.

Поскольку Харальд и Рери тоже пошли с войском, она считала вполне уместным назвать их конунгами. Вся семья Гисли, жившего слишком близко к Оленьему лесу, уже три дня пережидала опасность в Хельгелунде, чему Герд была очень рада, поскольку это давало ей возможность целыми днями заигрывать с сыновьями Хальвдана. Делала она это, по мнению Хильды, самым глупым образом: целыми днями вздыхала и повизгивала, что, дескать, какие ужасные эти викинги и как она ужасно их боится. Харальд только усмехался, а Рери даже не догадывался, что все это предназначено и ему.

Не отвечая, Хильда тоже нашла глазами знакомую спину младшего из двоюродных братьев и внезапно вздрогнула: слишком ясно ей представилось, что, возможно, она видит его в последний раз. Он слишком пылок, но еще так неопытен, а им предстоит нешуточная битва. Хильда подняла глаза, словно хотела увидеть в сером осеннем небе фигуры валькирий, прилетевших за Рери. Там, конечно, никого не оказалось, но ей по-прежнему было не по себе. Она поискала глазами вокруг, не мелькнет ли где-нибудь черным крылом ворон, птица Одина, обещая покровительство Отца Ратей. Ах если бы те триста валькирий, щитоносных дев, которые помогали в последней битве Харальду Боевому Зубу, пришли на помощь его потомку! Хотя бы Веборг и Висна, к которым у Хильды было почти родственное отношение после того, как они с сестрой Аслауг столько раз представляли их в детских играх. Но игры давно кончились, и теперь они ничем не могут помочь своим братьям, идущим навстречу настоящим, не деревянным, мечам.

– Ой! – Герд вдруг побледнела и прижала руки к застежке слева на груди. – Я слышу волчий вой!

– Это ветер! – отмахнулась фру Торгерд, но у нее кольнуло в сердце: волчий вой – дурная примета.

Хильда ничего не сказала и снова посмотрела на небо. Уж скорее бы они возвращались!

Когда войско приблизилось к Асгейрову двору, там их уже ждали. Ворота были заперты, над бревенчатой стеной ходили острия длинных копий, слышался приглушенный шум.

– Эй, кто захватил силой этот дом и выгнал отсюда мирных людей? – закричал Ингвар конунг, остановившись шагах в десяти от ворот. – Я, Ингвар конунг, правитель Смалёнда, хочу получить ответ!

– Здесь я, Хард сын Халльдора, по прозвищу Богач! – ответил ему резкий голос, и над стеной показалась голова и плечи немолодого, морщинистого человека, с длинными, полуседыми, разметанными волосами, в шлеме с полумаской и острым шипом на макушке. Как видно, он встал на бочку, чтобы его было видно. – Я занял этот дом, потому что мне надо провести где-то зиму с моими людьми. У меня девять десятков человек, и все отлично вооружены. Ступайте по домам, и мы не тронем вас, если ваш харад будет давать мне по две коровы или по шесть овец каждую неделю, а еще хлеба и пива. А если вздумаете противиться, то я перебью вас всех и сам буду здешним конунгом. Как, ты говоришь, называется это болото?

– А ты даже не знаешь, куда попал! – крикнул Ингвар конунг. – Напрасно: всегда следует знать, где тебя, весьма возможно, похоронят. Послушай теперь наши условия, Хард сын Халльдора. Мы готовы дать вам возможность уйти в любую сторону, на север или на юг, и не причиним вам вреда. Если же вы не хотите уйти из нашей округи по доброй воле, то мы сложим ваши трупы в ваш разбитый корабль, подожжем и пустим в море. Так вы попадете прямым путем в Валгаллу. Но распоряжаться в нашей округе и грабить наши дома мы вам не позволим.

– Ну, попробуй выбить нас отсюда, если такой смелый! – насмешливо отозвался Хард и спрыгнул со своей бочки.

Ингвар конунг взмахнул рукой: ряды войска раздались, и самые мощные из его хирдманов побежали к воротам, неся крепкое заостренное бревно. Вместе с ними побежали еще столько же с каждой стороны бревна, прикрывая их и себя щитами сверху. Викинги не ждали нападения так быстро, но через несколько мгновений опомнились, и из-за стены в нападавших полетели стрелы. Послышались первые крики, один из державших бревно упал, один разжал руки и отскочил – в плече его торчала стрела. Но и снаружи стали стрелять. Бревно с грохотом било в ворота, и после трех-четырех ударов створка перекосилась, потом выпала: бондов двор был вовсе не приспособлен для осады.

Теснясь в проломе, люди конунга и Вемунда повалили внутрь двора. Несколько первых были немедленно зарублены, но один или двое, удачно прикрываясь щитами и отбиваясь, проникли во двор, а вслед за ними прорвался Берг харсир, размахивая твоей секирой так, что только свист стоял. Секира эта считалась большим сокровищем: на лезвии ее был выложен серебром сложный узор в виде дракона, и с одного удара она пробивала любой шлем. Берг так и звал ее – Смерть Головам.

Ворота были сметены, битва завязалась сначала во дворе, но там было слишком тесно для двух с лишним сотен человек. Сперва викинги вытеснили смалёндцев обратно, но закрыть доступ во двор им уже не удалось, и вскоре битва заняла все пространство усадьбы и пустырь перед ней. Смалёндцев было на сотню больше, но викинги дрались так отчаянно, яростно и умело, что во многих местах теснили бондов и рыбаков. Владеть мечом и секирой умел здесь каждый, но не каждому приходилось применять это умение так часто, как людям Харда Богача, «морского конунга», не имеющего другого средства прокормиться. Зная, что мощным напором можно разогнать это «пастушеское войско», викинги дико кричали, выли и ревели, нагоняя жуть на противника и притворяясь берсерками, которых на самом деле было здесь не так много.

Но один такой здесь имелся: невысокий и по виду не особенно мощный, одетый в безрукавку из косматой медвежьей шкуры, с ожерельем из медвежьих клыков на шее, с неряшливо связанными в хвост волосами, викинг с диким воем набросился один на целую ватагу. Секира в его руках так стремительно вращалась и наносила такие сильные удары, что щиты трещали и раскалывались в щепки, а клинки ломались, как глиняные. Он двигался так быстро,

что секира в его руках создавала непробиваемый железный заслон. Кто-то метнул в него копье; не оглядываясь, викинг двинул плечом и уклонился от броска, таким стремительным, слепым и верным движением, словно каждая часть его тела имела свое собственное зрение. Вот к нему подскочил Асгейр бонд и, изловчившись, ударил; многие видели, как клинок обрушился на плечо, прикрытое только серым холстом рубахи, но отскочил, не причинив вреда, не оставив ни раны, ни крови! Сам Вемунд харсир вышел навстречу берсерку; все его боевое умение, вся его сила и опытность теперь потребовались для того, чтобы противостоять этому стремительному потоку силы, способной отражать удары стальных клинков только внутренним течением, без помощи доспехов.

Рери дрался в самой гуще, во дворе перед домом. Харальда он потерял из виду, Ингвар конунга тоже не видел, вокруг него были малознакомые ему люди Вемунда, и он чувствовал себя почти одиноким, но это же давало ему чувство свободы. Было жутко и весело. Это была его первая битва, и она показалась ему гораздо менее страшной, чем он ожидал. С самого детства он каждый день упражнялся, так что Торир Верный никак не мог упрекнуть его в лени; любой вид оружия был ему уже привычен, как продолжение рук, молодая сила играла в мышцах, и он никак не верил, что на лезвии какого-то из вражеских клинков припасена его смерть. Дико крича от избытка возбуждения, он рвался вперед; юный, гибкий, сильный, выносливый, он держался совсем не плохо против усталых, более зрелых и тяжелых бойцов, а еще ему помогала та безоглядная молодая смелость, которая еще не знает ран, боли и горечи поражения и просто не имеет понятия о смерти.

Вдруг он вырвался на свободное пространство: впереди были двое, и спина того, кто ближе, показалась ему знакомой. Рери узнал Ингвара конунга, а перед ним мелькало ожесточенное лицо под железным шлемом, с дикими, налитыми кровью глазами. Это был сам Хард Богач, и Рери ощутил даже обиду при мысли, что не имеет права вмешаться.

Но вдруг Ингвар конунг уклонился в сторону и исчез; даже не задумавшись, что это значит, Рери с отчаянным воплем бросился вперед, поймал расколотым щитом первый выпад Харда, который был скорее похож на отмашку, и сам нанес быстрый удар острием меча, метя противнику в шею. Он не знал, кто такой Хард Богач, не был знаком с громкой молвой об этом человеке, не мог сравнить свой ничтожный опыт с его многолетним и не понимал, как мала вероятность, что он сумеет успешно противостоять Харду в бою. И посчитал вполне естественным, ожидаемым то, что случилось: клинок его вошел во что-то мягкое и вдруг отяжелел, резко дернулся вниз. Хард, с дико вытаращенными глазами, стоял на коленях, выронив меч и щит, а клинок Рери был погружен в его шею сбоку, над ключицей, точно над верхним краем кольчуги. Из широко открытого, искаженного рта хлестала и пузырилась яркая кровь, а загрубелые коричневые руки сжимали клинок Рери, и им уже не страшно было пораниться.

– Я убил его! – в диком ликовании заорал Рери и вырвал меч. – Я убил Харда Богача! Победа теперь наша!

Смалёндцы ответили ему дружным воплем и с новой силой бросились на врагов. Кто-то из викингов видел смерть своего предводителя, кто-то нет, но без него они на миг растерялись, и превосходящие числом смалёндцы, повеселев от такой удачи, стали быстро теснить их, прижимать к строениям и ограде, убивать по углам. Когда догадались брать в плен, викингов осталось уже не так много: десяток в усадьбе и десятка полтора из тех, кто оставался снаружи. Еще сколько-то убежало в лес, но в таком количестве они уже не были особенно страшны и их можно будет выловить позже.

Весь двор был усеян телами убитых и раненых, стоял шум, стон, казалось как-то особенному холодно. Оглядываясь, Рери не увидел больше ни одного стоявшего на ногах и вооруженного врага. Первым его чувством было разочарование, потом усталость, а потом вдруг нахлынула гордость от такой славной победы. Он дрожал от возбуждения, от перенапряжения

и от холодного ветра, студившего разгоряченное тело, и все же был счастлив, что выжил и выстоял.

– Харальд! Конунг! – закричал он, и ему хотелось запеть. – Где вы! Мы победили, и я убил Харда Богача, эту подлую собаку!

– Конунг здесь! – услышал он в ответ озабоченный, вовсе не ликующий голос Эгиля. – Скорее ищите, чем перевязать, а то плохо наше дело.

И Рери вдруг обнаружил, что лежащее тело, возле которого хлопочут Эгиль, Хроальд и Атли, принадлежит Ингвару конунгу. Ноги были точно его – в потертых башмаках коричневой кожи, с бронзовыми головками на ремешках шерстяных обмоток. Такие знакомые башмаки… И он лежит… Совсем неподвижно лежит, и нет ему дела ни до чего, что здесь происходит…

Сначала Рери ощутил только досаду, что дядя не может немедленно оценить его славную победу. А потом он сообразил, что дело еще хуже. Он как-то сразу начал мерзнуть, руки ослабели, так что Рери едва не выронил меч. Стало стыдно, что он так орал и бесновался, гордясь собой, когда конунг ранен… может быть, опасно!

Но дикое и радостное возбуждение не проходило, продолжало бурлить в глубине, зубы стучали, и Рери изо всех сил сжимал челюсти, чтобы кто-нибудь не подумал, что он теперь, задним умом, испугался!

Он подошел. Хирдманы уже сняли с конунга кольчугу и обрывками рубахи торопились перевязать рану между плечом и шеей, почти там же, куда Рери поразил Харда. Крови было много, а лицо Ингвара выглядело бледным и отрешенным.

– Несите в дом! – распорядился Рери, чувствуя дрожь и ужас при мысли, что его раненый родич лежит на холодной мерзлой земле, среди грязи и крови, как последний раб. – В дом!

Больше всего ему хотелось позвать на помощь бабку Рагнхильд, мастерицу лечить раны и хвори и вообще распоряжаться во всех мелочах, с которыми мужчинам возиться не к лицу. Уж она-то точно знает, что теперь делать: куда нести его, как положить, как перевязывать… Он даже оглянулся, точно старая королева каким-то чудом могла вдруг перелететь сюда, но ее конечно же, не было.

В разбитые ворота вошел Харальд, который с частью людей сражался снаружи, на пустыре. Его собственный меч, тщательно вытертый от крови, чтобы не повредила хорошую сталь, уже был в ножнах, а в руке он держал чей-то чужой, тоже тщательно протертый, и с почти такими же, как у Вемундова, франкскими рунами на клинке. Еще один меч из Рейнланда, стоящий столько же серебра, сколько весит, и Харальд сам добыл его, сразив прежнего хозяина! Теперь-то рыжий выскочка не будет хвастаться, что у него-де оружие лучше, чем у сыновей Хальвдана конунга!

Встретив взгляд Рери, Харальд выше поднял голову и ревниво оглядел младшего брата: не добыл ли и тот чего-нибудь? Но тут же в глаза ему бросился сосредоточенный Эгиль, вместе с другими поднимавший неподвижное тело, и Харальд изменился в лице.

Ингвара конунга понесли в дом, оба брата двинулись следом. Внутри все оказалось перевернуто вверх дном: видно было, с каким трудом в небогатое жилье втиснулась почти сотня незваных гостей, и весь пол занимали кое-как устроенные лежанки. Разбросанные ветки, сено, плащи и шкуры везде попадались под ноги и мешали пройти. Ингвара уложили в спальном чулане на неприбранную хозяйскую постель. То ли Хард ею пользовался, то ли кто-то еще, но ложился он явно не снимая башмаков. Подцепив ножом простыню, Эгиль отрезал длинную полосу с того края, где почище, свернул другой кусок материи, прикрыл рану, стал перевязывать. Потом он вдруг опустил руки.

– Ну, что ты? – обеспокоенно спросил Рери. – Что-то еще надо?

– Ничего уже не надо, – пробормотал Эгиль. – Умер.

– Ты что? – Рери ему не поверил. – Как – умер? Кто?

Это был глупый вопрос, но у Рери не укладывалось в голове, что это может относиться к Ингвару конунгу. Смерти своего отца они не видели, и даже бегства с матерью из разоряемого Хейдабьюра не запомнили – слишком были малы. Они от души горевали по королеве Хольмфрид, жалели ее среднего сына и завидовали старшему, который погиб в сражении, но все же их утешало то, что сам Ингвар конунг, защита и опора дома, оставался с ними. Они пришли под его покровительство совсем маленькими, сам Хальвдан конунг был для них скорее героем сказаний, чем родным человеком, и оба они невольно относились к Ингвару как к своему отцу. Именно он заботился о них, как во имя долга перед сестрой, так и просто по доброте души. Он просто не мог умереть, потому что он был всегда, он обязан был быть, как Мировой Ясень. Умереть, уйти, оставить мир без опоры – было бы просто легкомыслием, недопустимым для такого надежного человека, как Ингвар конунг.

– Конунг! – Рери подошел ближе и наклонился, пытаясь почти в темноте рассмотреть лицо. – Ты слышишь?

Помня, чему его учили, он почти бессознательно взял конунга за руку и стал нащупывать бьющуюся жилку на запястье. Его учили отличать живого от мертвого, но нелепо казалось применять это знание к собственному названному отцу… Тому самому, что и учил… Тем более что жилка не билась.

Надеясь на какую-то ошибку, Харальд в свою очередь наклонился и поднес к губам Ингвара клинок своего нового, тщательно вытертого меча. Клинок остался чистым. Харальд отступил и в недоумении огляделся. У него было чувство, что он по недосмотру что-то потерял. «Как же теперь?» – зависло в голове. Главным ощущением было недоумение, неуверенность: мир внезапно сдвинулся и стал совсем другим. С мира сорвало крышу, и теперь они, Харальд и Хрёрек, сыновья Хальвдана Ютландского, сами стали старшими в своем роду… Других мужчин в семье больше нет, не считая четырнадцатилетнего Гудлейва, который пока еще воспитывается у Рагнара лагмана, своего дяди по матери.

– Вот ты, Рери! – В покой вдруг ворвался Вемунд, усталый, потный, без шлема, со свежей красной ссадиной на носу. – Ты молодец! Ты просто юный Сигурд! Двадцать лет этот кусок дерьма плавал по морям и наводил ужас на людей, а ты убил его! В первой своей битве совершить такой подвиг! Ты далеко пойдешь, парень! Теперь-то никто не усомнится, что тебе досталась удача твоего отца, что бы там ни говорили про эту вашу золотую гривну! Знаешь, как смелость лучше острого меча, так и настоящая удача лучше какого-то там золота, пусть хоть сам Один подарил его твоему предку!

Вемунд радостно ударил Рери по плечу, но тут заметил, что юный Сигурд смотрит на него недоуменно-пустыми глазами.

– Ты чего? – Держа его за плечо, харсир заглянул ему в глаза. – Ранен? Куда? Где твой брат? С ним все в порядке?

– Вот. – Рери неловко повернулся и показал на лежащее тело. – Он… Его…

Выпустив его плечо, Вемунд значительно просвистел и шагнул к лежанке. Его опытному взгляду вид вытянутого тела говорил достаточно много, чтобы пояснений не требовалось.

– А я как-то не подумал… – пробормотал он, и его лицо из радостного стало даже глуповатым. – Конунг… Я как-то все про вас двоих думал… Все-таки первая битва, все такое… А конунг… Он же опытный воин…

– Хрёрек уже за него отомстил! – негромко и значительно проговорил Торир и посмотрел на Рери. И тот понял, что в нем изменилось что-то серьезное: не зря же воспитатель, помнивший его ползающим мальчонкой, вдруг назвал его полным именем. – Гордись, сын Хальвдана! Не всем удается так хорошо отомстить за убитого родича – раньше, чем наступит первая ночь!

Харальд тоже отступил от лежанки и крепко сжал губы. Он осознал, что младший брат обскакал его на пути к славе и совершил подвиг, который он, старший, уже никакими силами не отнимет!

А Рери промолчал. Он пока еще ничего не соображал, и долгожданная слава его совсем не обрадовала.

Глава 3

Асгейров двор дружина покинула не сразу. Раненых перевязали, убитых складывали в сторонке. Для погибших викингов Вемунд харсир велел приготовить несколько ям: их было больше полусотни, и в здешней каменистой местности невозможно было выкопать такую большую могилу, чтобы поместились все. Погибших смалёндцев разбирали родичи, приезжая с волокушами. Раненых и пленных викингов, десятка два, посадили пока в сарай и приставили охрану. Немного передохнув, Вемунд харсир со своими людьми пустился искать убежавших в лес, а Харальд и Рери повезли тело Ингвара конунга в Хельгелунд. Рери сам себя не помнил: в нем смешалась буйная гордость совершенным подвигом, боль по убитому родичу и тревога – что теперь со всеми ними будет? Его ужасала мысль о том, что он с такой вестью едет к Хильде, к матери, к бабке Рагнхильд. Конечно, Ингвар конунг погиб в бою и тем добыл славу и место в Валгалле, как и хотел. За него можно только радоваться. Но Рери невольно думал сейчас не о нем, а о себе и близких: смогут ли они все обходиться без него?

У него не шли из ума слова Ингвара конунга, сказанные перед битвой. «Напряжение всех сил души и тела пробуждает удачу, заложенную в человеке! Вот и выходит, что смело идти навстречу опасности, даже на хромых ногах, – это наилучший способ победить. Свою судьбу человек выращивает сам, и вскармливают ее решения, которые мы принимаем. Запомните это, дети мои, на тот случай, если мне больше не придется вам об этом сказать!»

Наверное, он знал, что этой случай поделиться мудростью с потомками – для него действительно последний. Наверное, Ингвар конунг видел свою фюльгью – белую женщину, доступную только его взору, появление которой перед человеком означает, что нить его судьбы выпрядена норнами до конца. И он сделал так, как сказал – пошел навстречу самому сильному из врагов, напрягал свои силы до предела, чтобы – одно из двух: либо пробудится удача и даст победу, либо придет смерть. Но даже второй исход нельзя считать неудачным – ведь такой смертью, какой погиб Ингвар, весь его род будет гордиться до скончания века. И именно потому, что он знал о ней заранее, но не уклонился и не дрогнул. Как истинный герой древности. И неправда, что люди нынче измельчали. По мере того как Рери осознавал это все, гордость за дядю почти вытеснила скорбь. Надо будет сказать все это Хильде… когда она будет способна его выслушать.

И он уже мечтал о точно такой же смерти, жаждал доказать, что не уступит родичу твердостью духа, когда придет его срок. Рери даже не понимал сейчас, что уже все это доказал и проверил собственным опытом: ведь и он встал против сильнейшего врага и – победил. Заложенная в нем удача проснулась и привела к победе. А из этой победы, как из зерна, вырастет дерево судьбы.

Когда страшная новость достигла Хельгелунда, фру Торгерд плакала и причитала так, что ее пришлось отправить в девичью. Она-то сразу поняла все значение произошедшего, поскольку переживала подобное не в первый раз. Королева Рагнхильд, напротив, не дрогнула и даже не удивилась: видимо, руны еще накануне открыли ей больше, чем она сказала родичам. А за долгие прожитые годы старая королева научилась стойко встречать удары судьбы. Хильда же была поначалу больше оглушена ударом, чем огорчена, и еще толком не осознала свою потерю. Она *знала*, но не понимала по-настоящему, что отец не просто отсутствует сейчас, а не вернется больше никогда. Пока ее отвлекали хлопоты: Рагнхильд раздавала распоряжения насчет погребения и поминального пира, будто ничего особенного не случилось, и внучка невольно брала с нее пример. Если королева, потерявшая в старости последнего сына, не причитает и держится твердо, значит, так надо.

На поминальный пир, назначенный через три дня, снова съезжались толпы людей: все «большие бонды» из четырех харадов, все простые бонды с сыновьями, так что гостей собра-

лось сотен пять. Многие щеголяли новыми мечами, секирами, поясами, украшениями, взятыми у убитых и пленных викингов. Самих пленных, за которых на рабском рынке Готланда можно выручить по марке серебра за каждого, еще не делили, поскольку для этого сперва требовалось оценить понесенные домохозяевами убытки, а также доказать свидетельствами вклад каждого в победу над врагом. Для всего этого требовался конунг. Новый конунг, избранный и признанный тингом взамен погибшего.

Вечером, когда все встали из-за стола, Харальд отозвал Рери в сторону.

– Я тут говорил с одним человеком, – начал старший брат. – И он сказал мне, что многие люди в Смалёнде были бы не прочь увидеть новыми конунгами нас с тобой.

– Вот как? – отозвался Рери. – И кто этот человек?

– Это я, Хрёрек, – сказал сзади знакомый голос. Обернувшись, Рери увидел Берга Одноглазого. – Это я сказал. И не я один так думаю. У конунга остался только один сын, Гудлейв, который сейчас воспитывается у Рагнара лагмана, но он еще слишком юн, чтобы править по-настоящему. Власть окажется в руках Рагнара ярла, к тому же он Гудлейву дядя по матери и наверняка имеет на него самое большое влияние. Но зачем же нам выбирать в конунги Рагнара? Это многим не понравится, и Гудлейв не получит настоящей поддержки тинга. К тому же тут рядом есть Вемунд харсир. Теперь, надо думать, дочь конунга выйдет за него, потому что ей и всему дому нужна настоящая защита. А после женитьбы на ней Вемунд начнет добиваться, чтобы конунгом признали его. Рагнар и Вемунд будут бороться между собой, и вся наша страна погибнет во внутренних раздорах. А внешним врагам только того и надо. И года не пройдет, как мы увидим возле своих берегов корабли Бьёрна Упландского и будем платить ему дань, как Сёдерманланд, Вестманланд, Даларна и прочие. Короче, нам нужен такой конунг, чтобы и родом, и качествами был достоин этого звания и служил нам настоящей защитой. Вот – вы уже взрослые мужчины и доказали, что способны защитить землю от разорения и обид. Я скажу все это на тинге, и многие со мной согласятся.

Рери понимал, почему Бергу так не хочется, чтоб власть захватил Рагнар или Вемунд: его собственный род был слишком знатен, чтобы он согласился терпеть над собой людей, равных ему происхождением, давних соперников в борьбе за влияние и почести.

– А мы имеем не меньше прав, чем даже Гудлейв, – подхватил Харальд, который слушал с самым живым пониманием и одобрением. – Мы тоже внуки Хакона конунга, и по отцу наш род ничуть не хуже. Даже лучше: Гудлейв ведь получил королевскую кровь только со стороны отца, а наши предки с обеих сторон были конунгами!

– А поддержкой мы вас обеспечим, – продолжал Берг. – У меня, если вы помните, подросла внучка, Унн, вы видели ее во время йоля. Ей уже пятнадцать, она хороша собой и обучена всему, что должна уметь хозяйка большого дома. Один из вас возьмет ее в жены, например, ты, Харальд, поскольку ты старше. И уж тогда вы можете не сомневаться, что весь мой харад поддержит моего родича во всех делах. И люди будут знать, что и вы поддержите землю, где живет ваша родня.

– Да, Рери, это все справедливо. – Видно было, что Харальду нравится этот замысел. – Что ты об этом думаешь?

В душе человек горячий и увлекающийся, Харальд, однако, был не так решителен, как младший брат, и всегда с ним советовался, хотя по рожденному упрямству советы принимал не всегда и часто спорил. Сейчас Рери видел, что старший брат уже целиком заглотил Бергловы наживки. И хотя Одноглазый говорил красиво и убедительно, в душе Рери шевелился червячок сомнений.

– Что-то вы слишком легко отодвинули Гудлейва, – заметил он. – Ему не три года, а все четырнадцать, он уже два года как носит меч. И он не только внук Хакона конунга, но и сын Ингвара конунга. Ну, допустим, все сложится, как вы хотите и нас, – а скорее, тебя, Харальд, ты ведь об этом мечтаешь? – провозгласят конунгами. Но всего через два-три года

Гудлейв станет совсем взрослым и тоже найдет поддержку. Через два-три года он потребует вернуть ему отцовскую власть, и нам будет нечего ему возразить. К тому же наверняка найдутся недовольные тем, что власть в Смалёнде захватили датчане. То есть мы с тобой. И что здесь будет через три года? Нас попросят уйти. Здесь вам, скажут, не Сканей и не Блекинге. Ты захочешь слезать с почетного места, Харальд?

Харальд промолчал, но лицо его дрогнуло, ясно выражая: нет, ни за что!

– Вот видишь! – Рери выразительно глянул на брата. – А если мы не согласимся уйти, будет война. Ты, Берг, ведь хочешь избежать войны между смалёндцами? А вот ее-то мы и получим, если последуем твоим советам.

– А чего хочешь ты? – воскликнул Харальд, в негодовании на брата, который разрушил такое приятное и почетное будущее. – Ты хочешь всю жизнь просидеть за чужим столом?

– Я хочу сидеть за своим столом! – с напором ответил Рери. – Своим, ты понимаешь! А здесь все чужое. Чем разевать рот на дядино наследство и думать, как бы обобрать собственного младшего родича, думай лучше о том, как вернуть наследство нашего отца, нашу собственную землю! Это потруднее, чем сесть на все готовое. Зато если мы вернем Ютландию или хотя бы Съялланд, никто нас не упрекнет и мы сможем смело смотреть в глаза кому угодно!

Харальд ответил не сразу. Младший брат был прав, но ему не хотелось отказываться от соблазнительной возможности получить землю и власть конунга прямо сейчас и без усилий. Ну, почти без усилий.

– Значит, ты нас не поддержишь? – спросил он чуть погодя.

– Мне чужого не надо, – коротко ответил Рери, и по его упрямо сжатому рту, по сердито сузившимся глазам Харальд видел, что уговоры будут бесполезны.

Продолжать он не стал. Хоть Харальд и был старше на два года, не он, а Рери убил Харда Богача и отомстил за Ингвара, и у Харальда не хватало духу с ним спорить. А Рери было бы стыдно перед памятью дяди, по сути, указавшему ему единственную истинную дорогу к чести и славе, согласись он на предложения Берга. А сбить его, если уж он убежден в своей правоте, не смогла бы даже великанша Гевьюн с той бычьей упряжкой, которой она оторвала остров Съялланд от Швеции.

Но Берг Одноглазый не оставил своих замыслов. Несогласие между братьями его даже устраивало: он видел, что Харальд, которого он к тому же наметил себе в зятья, охотнее прислушивается к чужому мнению, а значит, в качестве конунга будет гораздо удобнее. А если упрямый младший брат противится, то даже хорошо: пусть отправляется на свой Съялланд или в Хель, зачем стране слишком своевольный конунг?

До весны, когда собирался общий тинг, ждать было слишком долго, и избрание нового конунга было решено провести при погребении Ингвара. За день до пира родичи погибшего собрали в гриднице самых знатных людей державы: харсиров, лагманов и «больших бондов».

Все расселись по скамьям, но место конунга между резными столбами оставалось пустым. Его мог занять только признанный наследник и только после того, как ему будет вручен «кубок Браги», иначе называемый «кубком воспоминаний».

На поперечной скамье сидели в ряд три женщины – Хильда, фру Торгерд и ее мать королева Рагнхильд. Это была полная, морщинистая старуха, с седыми волосками на подбородке, решительная и неуступчивая, но добрая, несмотря на угрюмый и неприветливый вид. Все в доме почитали и побаивались старую королеву: кроме ума и житейского опыта, она еще отличалась знанием рун и умела делать предсказания, как простые, так и весьма сложные. В детстве Харальд, Рери, Хильда, ее сестра и братья иногда просили ее показать им ставы – шестнадцать костяных палочек с вырезанными рунами, хранящиеся в особой серебряной коробочке, украшенной руной Перто. Бабка ворчала и ругалась, что, дескать, нечего всяким неучам и бездельникам пялиться на ставы, но обычно показывала. Дети рассматривали коробочку и костяные палочки, показательно сцепив руки за спиной, и им казалось, что в палочках и коробочке

заключены все тайны прошлого и будущего, что именно отсюда берут начало судьбы всего мира и судьбы их самих – тоже.

– Мы на заре ходили к Змеиному камню и раскидывали руны, – шепнула фру Торгерд племяннице, глядя, как бонды и хёльды рассаживаются по скамьям. Все-таки от решения, которое сейчас будет принято, зависела дальнейшая судьба рода, и эта мысль несколько отвлекала женщин от горя. – Руны сказали, что оба мои сына будут конунгами!

Рери поглядывал на них, пока люди рассаживались. Сестра, мать и бабка, сидящие в ряд на скамье, девушка, женщина и старуха, со сложенными на коленях руками и замкнутыми лицами, казались ему тремя норнами – Урд, Верданди и Скульд, которые уже выполнили свою работу и теперь лишь наблюдают за смертными.

Берг Одноглазый первым взял слово.

– Всем вам известно, что старший сын нашего конунга, Рангвальд конунг, погиб совсем юным, – говорил он. – Гудлейв сын Ингвара, хоть и подает отличные надежды, еще слишком юн, неопытен и ничем не прославлен. Если мы провозгласим сейчас конунгом его, то враги подумают, что земля наша беззащитна, и нам еще не раз придется с оружием в руках отстаивать свою жизнь, честь, свободу и имущество. Мы должны избрать себе конунга из достойных мужей. Вот здесь перед вами, – он обернулся к скамье, где сидели Харальд и Рери, – два сына конунга Хальвдана Ютландского. Мать их, королева Торгерд, доводится родной сестрой Ингвару конунгу, а значит, их родство с нашей землей и с древним родом смалёндских конунгов нельзя оспаривать. Оба они уже доказали, что по праву носят мечи. Поэтому я предлагаю, пусть они будут у нас конунгами оба. Так бывало и в древние времена, что братья правили общей землей вместе, а значит, это справедливо.

– Погоди, Берг харсир, решать, кому из них достанется наша земля! – отозвался лагман одного из северных харадов, Кетиль Лощина. – Они по отцу – датчане, а среди датчан много наших врагов. И странно было бы отдавать престол чужакам, когда у нашего конунга остался сын и наследник!

И он показал на Гудлейва, который сидел рядом со своим воспитателем, раскрасневшийся, с блестящими от волнения глазами. Он ведь тоже с детства привык к мысли, что рано или поздно будет конунгом, и вот сейчас его мечта могла сбыться – или разбиться вдребезги. Рагнар лагман, рослый, немного угрюмого вида мужчина, явно сдерживался, чтобы не заорать, видя, как нагло попирается достоинство и право его воспитанника.

– О каких врагах ты говоришь, Кетиль бонд! – перебил его Берг харсир. – Сам Хакон конунг, отец Ингвара конунга, отдал свою дочь замуж за Хальвдана Ютландского, а значит, он нам не враг, а родич и союзник!

– Его давно нет на свете, и в державе его хозяйничают свеи! Какой он нам союзник! От него давно никакого толка!

– Не смей так говорить о моем отце! – гневно выкрикнул Рери и вскочил, невольно сжимая рукоять меча. Он знал, что ссора и тем более драка в гриднице во время совета недопустимы, но не мог слушать, как какой-то бонд позорит память его отца. – Ни ты, ни весь твой род в двадцати поколениях не совершит и десятой доли его подвигов!

– Вся его слава теперь в Валгалле! – ворчливо отозвался Кетиль бонд, несколько смущенный, но не желающий сдаваться. – Он нам оттуда не поможет, у него там другие заботы. А для нас важно, кто здесь будет защищать нас от «морских конунгов», от гаутов, от свеев, от датчан и всех прочих, кому приглянется наше добро.

– Странно было бы сомневаться, кто нас защитит, когда мои братья Харальд конунг и Хрёрек конунг защитили нас от Харда Богача! – сказала йомфру Хильда. Она то нервно стискивала руки, то принималась теребить свои браслеты, но голос ее звучал твердо. – В их доблести никто не может усомниться, Кетиль бонд. И если Смалёнд назовет их своими конунгами, то он будет прекрасно защищен.

– Слишком рано было бы целиком полагаться на таких молодых людей, у которых был всего один случай испытать себя! – рассудительно заметил Гейр харсир из того же харада, что и Кетиль бонд. Он был уже стар и в какой-то из давних схваток лишился уха.

– Ты прав, Гейр харсир! – поддержал его Торд Рукавица. – В семнадцать и даже двадцать лет рановато править целой страной! Разве они знают законы? Разве они умеют приносить жертвы?

– Когда мои братья шли в битву, никто не находил их слишком молодыми! – ответила ему Хильда. – И никто, хотя там были воины и постарше, не смог сделать то, что сделал Хрёрек конунг!

– Ему просто повезло! – отрывисто возразил Рагнар лагман. Живя в отдалении, он не успел приехать к битве и теперь он отчаянно жалел, что сам упустил такой случай отличиться. – Значит, здесь не нашлось людей достойнее, чем семнадцатилетний парень с одним походом за плечами.

Он явно хотел напомнить, что в тот единственный поход будущий победитель Харда Богача ходил под его началом и ему, Рагнару, обязан всем своим опытом.

– Думай, что говоришь, Рагнар! – возмутился Вемунд харсир. – Не нашлось людей достойнее! Я сражался вместе с конунгом, и Стейн хёвдинг сражался, и Торд, и Бьёрн Корабельный Нос – скажешь, мы для тебя недостаточно достойные люди? Если нет, то я кому угодно докажу, чего стою, с оружием в руках! В таких делах меня долго искать не приходится!

И по его виду было ясно, что он готов хоть сейчас огородить ясеневыми кольями площадку для поединка.

– Знатные вожди, избегайте ссоры! – повелительно произнесла старая королева Рагнхильд, и все умолкли, поскольку она была старше всех присутствующих и все с детства привыкли ей повиноваться. Ради такого случая она даже перестала прясть и с непривычно сложенными руками имела особенно торжественный вид. – Не позорьте память конунга взаимными попреками! Мы созвали вас не для этого.

Спорщики помнились и постарались взять себя в руки. Вемунд харсир бросил на Хильду виноватый взгляд и слегка развел руками: дескать, я не хотел, но разве с такими людьми можно беседовать мирно?

– Ну, допустим, что Хрёреку и повезло, – снова заговорил Берг. – А разве этого мало? Когда человек обладает удачей, она пригодится во всех делах. Как говорится, орел кричит рано. Доблестного и удачливого человека видно с юности. И сыновья Хальвдана показали, что обладают доблесть и удачей. Если они не совсем еще сведущи, тут есть у кого спросить совета. Им всегда будет на кого опереться.

– Может быть, это случайная удача, – непреклонно возражал Гейр харсир. – У сыновей Хальвдана нет никакой другой опоры, кроме нас самих. У них нет и не будет иной дружины, кроме той, которую они наберут в Смалёнде же. Вот и выходит, что если мы изберем конунгами их, то в случае любой беды нам придется самим себя вытаскивать из болота за шиворот.

Кое-кто засмеялся, но смущенно и неуверенно.

– А что же молчит Хрёрек? – сказал Вемунд харсир. – Что же мы не слышим голоса того, кто победил Харда Богача?

– Я и мой брат Харальд всем обязаны Ингвару конунгу, который заменил нам отца и делал для нас больше, чем от него требовал родственный долг, – произнес Рери, поднявшись на ноги. Он чувствовал на себе напряженный взгляд Харальда, но не намерен был отступать от своего мнения. – И я не отплачу ему неблагодарностью, не попытаюсь захватить его власть и наследство в обход его родного сына Гудлейва, моего родича.

– Но скажи, что собираешься делать ты сам, если мы провозгласим конунгом Гудлейва? – с досадой воскликнул Берг, намекая, что сам Рери в этом случае останется у пустой миски.

– Я собираюсь вернуть наследство моего собственного отца. Мы действительно давно уже не дети, и хватит нам сидеть за чужим столом.

– Ты говоришь о Ютландии?

– Конечно.

По скамьям пробежал ропот.

– Никто не скажет, что у этих молодых людей умеренные требования! – хмыкнул Гейр харсир. – Да ты знаешь, о чем говоришь? Южная Ютландия – это ведь где Хейдабьюр? Богатый вик, да разве его тебе отдадут просто так? В нем теперь сидят свеи.

– Как бы то ни было, я намерен его вернуть. И если мой брат, Гудлейв конунг, поможет мне с войском, я буду ему очень благодарен. И весь Смалёнд может не сомневаться, что когда я стану конунгом в Ютландии, – мы с братом Харальдом, разумеется, будем править там вместе, – прибавил Рери, метнув взгляд на старшего брата, – то торговые люди из Смалёнда смогут покупать и продавать в Хейдабьюре любые товары без пошлин, и я еще буду давать им пристанище и содержание на все то время, что они будут делать там свои дела.

– Вот это стоящее предложение! – оживленно воскликнул Сигмунд Ремешок. – Я и впрямь слышу голос взрослого мужчины и разумного правителя!

– Которым сыну Хальвдана Ютландского еще предстоит стать, – язвительно добавил Берг Одноглазый, видя, что все его замыслы обзавестись зятем-конунгом рухнули. – Прежде чем получить все эти прекрасные преимущества, нам придется собрать войско и сразиться со свеями, вы понимаете это, люди? А такие вкусные куски, как вик Хейдабьюр, задаром никто вам не отдаст. Там ведь еще рядом франки, и они не обрадуются, если в Хейдабьюре появятся датчане, с которыми они всегда были на ножах, еще со времен Годфреда Датского.

– Смелость лучше силы меча! – ответил Рери, весело глянув на него. – А удача сильнее и свеев, и франков с их императором! Моему роду досталась великая удача от богов, и я верю, что она придет и к нам.

– Но я слышал, что ваше родовое сокровище, в котором была заключена эта удача, пропало, когда погиб Хальвдан конунг? – заметил Гейр харсир. – Не на одном йольском пиру мы слушали эту сагу, правда, люди?

Собравшиеся согласно загудели. История Золотого Дракона была в округе Хельгелунд хорошо известна. Рассказывали, что еще лет двести назад к одному из предков Хальвдана конунга, Ивару по прозвищу Широкие Объятия, во время йольского пира пришел незнакомый гость и попросил приюта. Был он средних лет, ничем не примечателен, разве что заметно хромал при ходьбе. Дом был переполнен, места не хватало ни за столами, ни на полу, и Ивар конунг не хотел пускать незнакомца, но тот предложил:

– Позволь мне переночевать хотя бы в кузнице и пришли мне туда хлеба, мяса и меда, и тогда я к утру изготовлю тебе сокровище, которое будет платой за твое гостеприимство.

– Конунги не берут платы за гостеприимство, они сами награждают своих гостей, – ответил Ивар конунг. – И если тебя устроит такое пристанище, как кузница, то можешь располагаться там.

И он приказал послать в кузницу каравай хлеба, большой кусок жареного мяса и кувшин медовухи. Всю ночь люди видели, что в кузнице горел огонь, и слышали шум работы. А когда под утро Ивар конунг уснул, утомленный праздничным весельем, ему приснился сон. Он увидел ночного гостя, но теперь тот выглядел необычайно высоким и красивым мужем, от всего облика которого исходило сияние. Тот сказал:

– Ты отказался от платы за гостеприимство, но и я не из тех, кто даром ест чужой хлеб. Поутру ты найдешь в кузнице подарок от меня. Его зовут Золотой Дракон, и вместе с ним я дарю тебе и твоим потомкам великую удачу.

Когда конунг проснулся, он немедленно устремился в кузницу. Гостя там уже не было, зато на камне, служащем наковальней, лежала золотая гривна искусной работы, украшенная

головками драконов. Тогда все поняли, что на йольский пир к конунгу приходил один из богов. Люди полагают, что это был Вёлунд, недаром же он прихрамывал. И с тех пор Золотой Дракон переходил по наследству в роду Ивара, наделяя всех его потомков великой удачей.

Удачей этой Хальвдан конунг был наделен в полной мере, но, когда он погиб в схватке со шведским «морским конунгом» Сигимаром Хитрым, Золотой Дракон достался победителю вместе со всем оружием павшего. Рассказывая маленьким сыновьям эту сагу, фру Торгерд всей душой сокрушалась о том, что драгоценное сокровище, а с ним и удача, навсегда, надо думать, ушли из рода.

– Не так давно я доказал, что судьба и боги не вовсе лишили меня удачи, – сказал теперь Рери. – И первое, что я намереваюсь сделать, это вернуть в род Золотого Дракона. Сигимара Хитрого, я знаю, уже нет в живых, но у него остались сыновья. Наверняка Золотой Дракон теперь принадлежит кому-то из них. Нам нужно только найти их. Одолеть одного «морского конунга» легче, чем сразу захватывать целую страну. А уж когда Золотой Дракон вернется к нам, снова попадет в род, для которого его предназначил небесный кузнец, он даст нам сил, чтобы вернуть все наследство отца.

– Ну, если вы будете править в Ютландии, то Гудлейв конунг всегда получит от нее поддержку, которая понадобится Смалёнду, – согласился Гейр харсир. – Так мы и объявим на тинге. И если люди вас поддержат и захотят идти с вами в поход, лично я никого не стану отговаривать.

На этом совет и закончился.

– Я же знаю: оба мои сына будут конунгами, – шептала фру Торгерд. – Руны сказали нам, а они не лгут.

На другой день, после погребения, гридница была приготовлена к пиру. Пол был устлан свежими еловыми лапами, все стены покрыты ткаными коврами – частью привезенными из походов в прежние годы, частью изготовленными здесь, в доме. На столах блестела серебряная, медная, бронзовая посуда, заморские блюда – глиняные, расписанные яркими, причудливыми, блестящими узорами, стоившие дороже иных серебряных. Перед каждым из одальбондов стояло по серебряному кубку, так чтобы все могли видеть знатность, богатство и удачу хозяев.

Рагнар лагман, как самый знатный из гостей и старший из родичей покойного, сам провозгласил сперва кубок Одина – за благоденствие Смалёнда и за то, чтобы и впредь во всех битвах Отец Богов даровал им победу. Потом следовал кубок Фрейру и Ньёрду – за то, чтобы битв и сражений все же выдавалось поменьше, чтобы в стране всегда был внутренний мир и хорошие урожаи. А когда всем хватает хлеба, то и воевать особо не за что.

Потом Хильда, одетая в лучшее платье, принесла «обетную чашу» – иначе, кубок Браги. На ней была голубая рубашка из тонкого льна, с красной и золотой вышивкой, и желтое платье из тонкой шерсти, синий хенгерок с золотыми застежками на груди и двумя золотыми цепями между ними. С любимым кубком отца в руках, невольно вспоминая лицо Ингвара конунга, его весело прищуренные глаза с такими родными морщинками в углах, Хильда едва удерживала слезы.

– Во славу богам! Во славу богиням! Во славу всем асам святым! – произнесла она, подойдя к младшему брату. – Прими этот кубок, а с ним силу и славу твоих предков, чей путь ты отныне продолжишь, брат мой, Гудлейв сын Ингвара!

– Во славу богам! Во славу богиням! Во славу всем асам святым! – ответил Гудлейв, принимая кубок у нее из рук. Его голос дрожал, а эту речь, должно быть, заготовил Рагнар лагман и заставил затвердить. – Я принимаю кубок моего рода и даю обет: войной и миром послужить тому, чтобы слава его ширилась и множилась. Клянусь никогда в жизни не поворачиваться спиной к опасности, не бежать от врага, не предать того, с кем я в родстве и в дружбе и никогда в жизни не поступать несправедливо, как не поступал и мой отец, Ингвар конунг.

Потом обетные кубки стали поднимать другие знатные гости, в том числе и Рери.

– Я клянусь доказать, что мой отец Хальвдан конунг оставил сыновей, достойных его знатного рода и его доблести! Я клянусь вернуть землю, которой он правил! Я клянусь стать полноправным наследником моего отца и при необходимости я готов буду оказать роду Ингвара конунга такую же поддержку, которую он оказал нам!

Произнесли и поминальную песнь по Ингвару конунгу, которую потом вырежут на камне над его курганом. Хрут Резчик, знаток рун, искусный скальд, уже приехал и теперь тоже сидел на одном из почетных мест. Вид у него был чуть-чуть обиженный: Хильде не понравился тот стих, который он предложил вырезать на камне, и она объявил, что платит два эйрира серебром тому, кто сложит лучший. В конце концов, самым удачливым скальдом был признан хирдман Эгиль, сложивший вот что:

Ингвар бился
с грозным Хардом,
злобных псов
прогнал от дома.
гордо смерть
отважный встретил;
Хрёрек месть
свершил, не медля.

Этот стих понравился Хильде еще и потому, что воздавал должное и Рери тоже.

Пока гости ели и пили, конунгов сказитель, самый важный человек во время пиров или долгих зимних вечеров, сидя на скамье между очагами, пел «Песнь об Атли», самую любимую песнь павшего Ингвара. Одно из самых жестоких, кровавых, страшных – и в то же время самых гордых сказаний часто звучало в этом доме, и очень многие уже знали его наизусть. И все же сердце замирало, когда люди слушали о том, как посланец коварного, задумавшего убийство конунга Атли приехал к братьям его жены, Гуннару и Хёгни, стал звать их в гости к своему повелителю, обещая множество богатых подарков – щиты и копья, золоченые шлемы, расшитые попоны, богатые нарядные одежды и ретивых коней. Гордые братья не слишком прельстились подарками – у них уже было достаточно сокровищ. Более того – они получили послание от своей сестры Гудрун, кольцо, обвязанное волчьим волосом, и знали, что им придется ехать по волчьей тропе, по тропе коварства и предательства. Казалось бы, любой человек, даже не из самых умных, предпочтет остаться дома. Но нет. Гуннар и Хёгни предпочли поехать – предпочли принять вызов судьбы, как того требовала их честь, рискнуть жизнью и даже почти наверняка с ней проститься, но не струсить, не отступить.

Простились люди
с конунгом, плача,
когда уезжал он
из гуннского дома;
сказала тогда юный
наследник Хёгни:
«Путь свой вершите,
как дух вам велит!»[8]

– пел сказитель Ульвар, довольно молодой еще мужчина с очень красивым, густым низким голосом. Он сам был бойцом не из последних и отличился в битве с викингами, благодаря

[8] «Старшая Эдда», пер. А. Корсуна

чему сам получил новый меч. Но предания старины влекли его не менее, чем воинская слава, и он знал множество песен о богах и героях древности. От его голоса у мужчин бежали по коже мурашки, а женщины плакали, жалея и отважных Гуннара и Хёгни, и своего конунга Ингвара, который пошел на смерть, так же гордо, уверенно и даже радостно.

Поминальные пиршества продолжались три дня, и Хильда гордилась похвалами его изобилию и порядку. Да уж, порядок она знала! Всех гостей, даже самых незаметных, она оделила подарками, так что ни один захудалый бонд не ушел от них без ножа с резной костяной рукоятью или гребешка искусной работы. Хорошо бы им всем взять свои обновки на тинг – чтобы напоминали о долге благодарности.

Случилось это не так скоро: почти целый месяц ушел на то, чтобы по всей стране разошлось извещение о сборе тинга, а еще людям требовалось время на дорогу. Весь этот месяц наследники погибшего конунга провели в волнении о своей будущей участи, но тинг не обманул их ожиданий. Харальд и Хрёрек подтвердили, что отказываются претендовать на престол своего дяди и поддерживают его сына Гудлейва, а взамен просят у Смалёнда поддержки в возвращении владений своего собственного отца.

– Мужчинам не пристало сидеть все время дома, как девушкам, которые ждут жениха! – говорил Харальд, и очень много глаз из толпы смотрело на него с пониманием и одобрением. Рослый, стройный, красивый и уверенный, он выглядел точь-в-точь как юный Сигурд перед началом славных дел. – Мы с моим братом Хрёреком докажем, что мы – мужчины и достойные сыновья нашего отца, Хальвдана конунга, который прославился своей удачей и подвигами по всем Северным странам и даже на южном побережье Восточного моря. Я зову вас в поход! Один пошлет нам или славу и добычу, или достойную гибель, которая прославит нас и наши роды! Только в деле можно испытать свою удачу, и тот, кто вечно сидит дома, никогда не узнает, чего он стоит как человек.

И смалёндцы радостно кричали и колотили в свои щиты, давая понять, что согласны с ним. В конце концов договорились, что Смалёнд собирает войско для похода и ведут его сыновья Хальвдана.

Вемунд харсир поддержал и сына Ингвара, и сыновей Хальвдана, а в благодарность юный Гудлейв конунг объявил о помолвке с Вемундом своей сестры Хильдеборг. Хильда сама дала согласие на этот брак: посмотрев на поведение Вемунда в битве и в спорах после нее, она признала, что это достойный и смелый человек, и он уже не казался ей таким уж старым. И то верно: хоть ему и шел тридцать седьмой год, Вемунд душой был молод, горяч, охотно откликался на всякое новое дело, и молодая, веселая девушка годилась ему в жены гораздо лучше, чем какая-нибудь почтенная вдова. Свадьбу сыграли на йоль.

Всю весну Харальд и Рери объезжали корабельные округи, проверяя, как готовятся к походу корабли и сколько их будет. Смалёнд был полон воодушевления. В последние годы Ингвар конунг не ходил в походы, а в каждой усадьбе и на каждом хуторе тем временем подросли такие же, как сами Харальд и Рери, честолюбивые и смелые молодые парни. Слушая рассказы о сражениях и дальних странах, они завидовали подвигам отцов и дедов или нанимались в дружины к чужим вождям. Да и людям постарше казалось очень заманчивой возможность поправить свои дела походом в теплые плодородные края. Там-то не приходится, прежде чем пахать, своими руками выбрать из крошечной кривой делянки тысячу камней и сложить из них курганчик с краю, как памятник своему терпению и упорству! Старики, оживившись, снова и снова рассказывали о походах собственной молодости, перечисляли съестные припасы, меха, серебро, хорошие ткани, красивых рабынь и сильных рабов, которых когда-то сами привозили из походов. Во многих домах тосковали по добыче и рабам, а собирая «хромую подать» ворчали, что хромому конунгу только это и надо. Возможность отправиться за море с двумя молодыми знатными вождями, жаждущими славы, многим показалась привлекательной, и будущие герои с нетерпением считали дни до отплытия.

Общим счетом собралось около трех десятков кораблей. Все они были разные, одни несли по борту двадцать весел, а у иных было всего по пять-семь пар гребцов, но в целом войско Смалёнда насчитывало почти тысячу человек. Перед отплытием Харальд и Рери принесли в жертву Одину черного быка, прося послать им победу или славную смерть, но больше надеясь на первое. Фру Хильдеборг собрала жертвенную кровь в большую серебряную чашу и окропила ею корабли, оружие и сами дружины.

Руны Прибоя да хранят вас,
Кони парусов, среди пены морской!
При сильном прибое,
При бурных волнах
Придете к причалу без горя!

– заклинала она, чувствуя себя почти валькирией. Ее собственный муж тоже уходил в поход, и теперь она, уже ждущая ребенка, гораздо лучше прежнего понимала предостережения фру Торгерд. Но ради будущей чести и благополучия этого самого ребенка требовалось рискнуть, и Хильда никому не показывала, как болит ее сердце перед разлукой.

Собравшиеся на берегу не сводили с нее глаз и ловили каждое ее слово. Она поднесла прощальный кубок и Вемунду, и Рери, и на глазах ее блестели слезы. Вот и сбылась мечта ее любимого брата, но радость и гордость так тесно переплелись в ее душе с тревогой за него и болью разлуки, что она сама не знала, отчего ей хочется плакать.

– Постарайся сделать так, чтобы все наши труды не оказались напрасными! – сказала она на прощание. – Вас ждет успех и слава, и когда ты вернешься, все наши красотки буду драться за право посидеть на пиру рядом с тобой!

– А если мне все же не повезет, то за столом в Валгалле мне будут прислуживать валькирии! – Рери улыбнулся. – И пусть Вигдис из Мшистой Горки не думает, что я пожалею о такой замене!

Сыновья Хальвдана понимали, что взяли на себя ответственность не только за память своего отца, но и за судьбу Смалёнда. Если их разобьют, то земля Ингвара конунга, лишенная почти всех способных сражаться мужчин, останется беззащитной. И тогда гаутские или свейские конунги проглотят ее, не поморщившись. Но Рери твердо знал, что он этого не увидит. Даст ему Один победу или не даст, зависит только от коварного и причудливого бога, которому случалось дарить своими милостями и негодяев. Но риск – наилучший способ пробудить удачу. За эту удачу он сейчас отдал бы что угодно, что у него есть и чего у него нет. И собственная жизнь казалась ему далеко не самой высокой ставкой в этой игре с судьбой.

Когда корабль уходил, последнее, что ему бросилось в глаза, была фигура стоявшей на мысу старой королевы Рагнхильд. Она смотрела им вслед, опустив руки, словно Урд, старшая из норн, хозяйка прошлого. Она уже сделала свое дело, теперь черед за будущим.

Глава 4

Первоначальной целью своего путешествия сыновья Хальвдана избрали датский остров Сьялланд. Там они вернее всего могли узнать, какова обстановка в Южной Ютландии и где находятся преемники Сигимара Хитрого. Сам Сигимар конунг, убийца Хальвдана, уже несколько лет как умер, а власть унаследовал старший из его оставшихся в живых сыновей. Самый старший из семерых, Сигифрид, погиб в Англии несколько лет назад. Младшие братья тоже дома не сидели и с юных лет приобрели славу грозных «морских конунгов». То и дело купцы привозили вести об их набегах на Англию и Ирландию, на земли франков, фризов и вендов.

Сьялланд – Тюлений остров, прозванный так за обилие тюленей, на которых издавна охотились местные жители и даже, судя по местным сагам, состояли с ними в родстве – был красивой землей. С низкими берегами, поросшими зеленой травой и изрезанными множеством заливчиков, он был покрыт буковыми и дубовыми рощами, среди которых голубело множество озер. Как Готланд у берегов Свеаланда, Сьялланд весной служил для сбора дружин для далеких походов. Если на Готланде собирались желающие сходить на Восточный путь – в странствие по далеким рекам, ведущим, в конце концов, на арабский Восток, источник серебра и прочих предметов роскоши, – то на датских островах скапливались отважные воины, ищущие подвигов и добычи в богатых западных землях, которые гораздо ближе. Всякий желающий попытать счастья за морями мог прийти сюда к началу лета[9] и поискать себе подходящего вождя. Берега острова были заняты осенью торговыми, а весной – боевыми кораблями: узкими, длинными, с низкими бортами и зубастой змеиной головой на высоком шорштевне, предназначенные для перевозки не грузов, а вооруженных людей. На обратном пути захваченная добыча будет сложена на освободившиеся места тех, кому домой вернуться не суждено и кому наградой будет вечная слава, закрепленная в хвалебной песне скальда – одного из товарищей, кто в море сменял его на весле, а на земле сражался с павшим плечом к плечу и хорошо знает то, о чем слагает стихи.

Памятью этим походам служили поминальные камни. На зеленых пастбищах, возле курганов или просто на дорогах между большими усадьбами тут и там виднелись высокие камни, на гладко отесанной лицевой стороне которых были вырезаны целые повествования. Морской поход – войско на корабле под парусом, сражение многих маленьких фигурок с мечами в руках и клиновидными бородками. И вот уже доблестно павшие герои вереницей следуют в пиршественные покои Валгаллы, а возглавляет их сам одноглазый хозяин, Один, верхом на волшебном восьминогом коне. Священные знаки, выражающие единство трех миров, символы бесконечности, которые новые герои так любят изображать на своих ярко раскрашенных щитах… Возле поминальных камней паслись коровы и овцы, невозмутимо щиплющие траву у подножия человеческой доблести, но каждый из приезжающих на Сьялланд, особенно если впервые, не мог пройти мимо, не остановиться и не посмотреть, не унестись вслед за рукой неведомого мастера в даль – в неведомые моря и земли Среднего Мира, в иные миры и пространства…

Харальд и Рери вступали на эту землю с особым чувством. Сьялланд был родовым владением их предков, здесь родился их отец и отсюда отправился в Ютландию. Сейчас здешним конунгом считался Игнви, третий сын Сигимара Хитрого. Но, как говорили, конунг все свое время проводит в походах, а сюда приходит разве что зимовать, и то не всегда; теперь его два года уже тут не видели.

Но и без конунга здесь бурлила жизнь. Осенью на Сьялланде вовсю торговали шерстью, хлебом, сукном, рыбой и прочим таким, и причалы были заняты купеческими снеками. Везде

[9] Год делился только на два сезона, зиму и лето, и лето начиналось в конце апреля.

мычали коровы, у сходней переступали копытами привезенные на продажу лошади, и здесь же, возле сходней, к приехавшим подскакивали бойкие бедно одетые людишки и принимались расспрашивать: откуда, что привез, почем отдаешь, чего хочешь купить, и тут же предлагали свести с хорошим покупателем или продавцом – совсем недорого, за пеннинг-другой. А иным и новой рубахи за глаза хватало.

Сейчас же, в начале лета, все было иначе, и Съялланд наполнял совсем другой народ. Во всех здешних усадьбах, где осенью принимают торговцев и в гридницах целыми днями идут разговоры о товарах и ценах, теперь день и ночь пировали прославленные вожди. К концу зимы мало у кого оставались лишние средства, но каждый старался превзойти других, показать тем самым свою удачу и щедрость, чтобы привлечь к себе новых людей. Пиво и мед лились рекой, забивали коров и овец, к радости торговцев скотом. Скальды исполняли хвалебные песни, прославляя своих вождей и унижая их врагов. То и дело устраивались разные состязания, поединки с разным оружием и врукопашную; опытные воины показывали свое умение, юные восхищались, завидовали и учились. А тем временем возле поврежденных в походах дреки хлопотали корабельные мастера, свежий весенний ветер тянул дым с запахом смолы, и иные вожди, протирая мутные с похмелья глаза, снимали с пальцев последние серебряные перстни, чтобы заплатить за парус и канаты – без них не будет новой добычи и новых перстней.

Найти пристанище для целого войска, тем более в такую пору, было невозможно, и стан раскинули прямо возле кораблей. Поставили стяг – новый, вышитый за зиму Хильдой и фру Торгерд, с изображением двух воронов. И пусть пока он не так знаменит, как тот Ворон, что изготовили для своих воинственных братьев три дочери знаменитого Рагнара Кожаные Штаны – тот, что в случае грядущей победы сам поднимал крылья, а под угрозой поражения опускал, – сыновья Хальвдана не сомневались, что со временем сумеют прославить его не хуже.

Первое, что надлежало выяснить: кому из сыновей Сигимара достался Золотой Дракон и где этот человек сейчас. Сразу по прибытии смалёндцы принялись за расспросы: Торир Верный, будучи отсюда родом, знал, к кому из осведомленных и знатных людей можно обратиться. Чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, сыновья Хальвдана не открывали своих имен, и все переговоры вел Вемунд.

– Я – Вемунд сын Аринбьёрна, харсир округи Хельгелунд, что в Смалёнде, а это – братья моей жены, – так представлял он себя и своих юных спутников. – Они уже совсем взрослые, вот, хотим походить по морям, посмотреть мир. Поискать славы и добычи прежде, чем осесть дома.

Такое объяснение звучало здесь десятки раз на протяжении каждой весны, поэтому никакого удивления или подозрения вызвать не могло. Расспрашивая о знатных вождях – кто куда собирается, кто чем прославился в последнее время – Вемунд выяснил, что Сигурд Кривобокий, наследник Сигимара, остается летом в Хейдабьюре, а его младшие братья Ингви и Эймунд еще в прошлом году ушли во Франкию вместе с Рагнфридом Железным и до сих пор не возвращались.

– Видно, взяли столько добычи, что не могут довезти! – усмехнулся Харальд.

– Нет, часть добычи они осенью переправили в Хейдабьюр, – ответил хозяин усадьбы, Аслак Очажный Камень, сообщивший им эту новость. – Правда, говорят, что сам Рагнфрид Железный попал в кораблекрушение и чуть ли не умер где-то в Стране Фризов, но я пока не встречал человека, который видел бы его смерть своими глазами, так что, может быть, это и слухи. Один человечек также говорил, что Вевальд Красивый умер во Франкии от кровавого поноса, но ему мало кто верит. Разве это смерть для такого человека?

– Кровавый понос не разбирает, какого рода человек, – проворчал Вемунд харсир.

– Но ведь Ингви сын Сигимара еще там? – спросил Рери. – Мы как раз подумывали поехать во Франкию.

– К ним туда недавно отправился один «морской конунг», из Вестманланда, его зовут Сигтрюгг Нечесаная Борода.

– Сколько народу! – насмешливо обеспокоился Харальд. – Если мы не поспешим, то успеем только к дымящимся развалинам.

– Ну так зачем же медлить? – Аслак невозмутимо пожал плечами. Он каждый год видел десятки молодых и знатных героев, рвущихся за подвигами и славой, и совершенно спокойно относился к тому, что часть из них возвращается с добычей, а часть не возвращается вовсе. – Смелый не ждет, что подскажут сны.

– А где же их младшие братья? – спросил Торир Верный. – Ведь у Сигимара конунга остались еще сыновья?

– Остались еще трое: один от королевы Асхильд и двое от вендки, которую он когда-то привез из Рёрика, что ли? А может, и еще откуда.

– Или они еще малы?

– Нет, отчего же? Асгаут конунг, я слышал, этой весной снарядил корабли в Британию, и его брат Эймунд присоединился к нему. Они сюда не заходили, но я слышал от одних людей, которые их видели на Борнхольме. Они в тамошнем святилище приносили жертвы перед походом. Вы, кстати, будете приносить жертвы? Скот уже в основном разобрали, но у меня на пастбище еще есть пара хороших черных барашков. Отдам недорого.

– Непременно будем! – заверил Вемунд. – А почем у вас тут считается недорого?

– Не прогадаешь, харсир! – Аслак засмеялся. – Ты отдаешь Одину какого-то несчастного барашка за пол-эйрира, а он за это пошлет тебе добычи в пять тысяч марок серебром! Разве это дорого?

– А вы здесь недурно умеете торговаться с Владыкой Павших! – Торир тоже засмеялся. – Однако в таком деле скупиться глупо, верно, Рери?

– Я надеюсь больше на свою удачу, чем на какого-то несчастного барана. – Рери усмехнулся, сузив глаза, но его острый взгляд оставался серьезным и даже вызывающим.

– Из этого парня выйдет настоящий вождь. – Аслак одобрительно кивнул. – Если, само собой, не убьют в первом же походе. Уж больно он дерзок и самонадеян по виду.

– У меня есть основания надеяться на себя, – заверил его Рери. – Вот этой рукой я уже отправил к Одину одного человека, у которого было гораздо больше оснований для самонадеянности, чем у меня, – но это ему не помогло.

– Ну-ка, расскажи! – заинтересовался хозяин, привыкший собирать новости и занимательные происшествия. – Это было у вас в Смалёнде?

– Мы непременно расскажем, когда зайдем в следующий раз! – Вемунд мигнул Рери и встал. – Большое спасибо тебе, Аслак, за гостеприимство и новости.

– Заходите еще, – радушно отозвался хозяин. Он привык и к тому, что о части своих подвигов его гости предпочитают не распространяться, чтобы не наводить на свой след жаждущих кровной мести. – Про барашка не забудьте, а то вчера были у меня одни люди, он им тоже может пригодиться.

– Не забудем, но сейчас у нас есть еще одно дело. Не подскажешь ли заодно, где у вас тут можно найти хороших златокузнецов?

– А зачем тебе златокузнецы? – спросил Харальд, когда они наконец простились с хозяином, вышли из усадьбы и направились в предуказанном им направлении. – Хочешь заказать для Хильды новые застежки? Подождал бы, пока появится добыча.

– Златокузнец нужен не мне, вам. Но будем делать вид, что мне. Мы ведь так и не выяснили, у кого из сыновей Сигимара ваш Золотой Дракон. Но если мы спросим об этом прямо, то немедленно пойдут слухи: какие-то люди разыскивают золотую гривну Сигимара. Вы же сами видели, что здесь ничего нельзя утаить: мы вон сколько всего узнали о разных людях, даже то,

о чем вовсе и не спрашивали. И если до них дойдет такой слух, они сразу поймут, кого это гривна может заинтересовать спустя столько лет.

– Но почему мы все время должны бояться, что о наших намерениях узнают? – возмутился наконец Рери. – Похоже, ты хочешь, чтобы мы мстили исподтишка. Это недостойно сыновей конунга!

– Я хочу, чтобы вы осуществили свою месть, а не пали легкой жертвой более сильных противников. Я не призываю вас нападать из-за угла… хотя иные говорят, что любая победа почетна уже потому, что она – не поражение, а какими средствами она достигнута – совершенно не важно. Но предупреждать сыновей Сигимара заранее о том, что вы идете им мстить – это совершенно лишнее, и Торир со мной несомненно согласится.

– Это верно, – кивнул старый хирдман.

– Так что сейчас нам надо выяснить, куда идти, в Ютландию, во Франкию или в Британию, не обнаруживая раньше времени ни себя, ни своих намерений.

– И как нам поможет златокузнец?

– А вот сейчас увидите. Эй, добрый человек! – окликнул Вемунд какого-то работника, тащившего со стороны моря большую корзину рыбы. – Ведь вон та усадьба – это Свиная Кожа?

– Она самая.

В усадьбе Свиная Кожа, принадлежавшей родовитому и богатому человеку, Торгейру Кривой Нос, обитал один из самых умелых кузнецов Съялланда, Ульв Пузо. Гости нашли его в кузнице, вынесенной за пределы усадьбы, подальше от жилых построек, чтобы сократить опасность пожара. Пузо у него и впрямь оказалось знатное – оно торчало далеко вперед, топорща передник из бычьей кожи. Сам Ульв был немолодым уже человеком с полуседыми волосами, следами ожогов на лице, вдавленным носом и добродушными светлыми глазами. Прерывать работу среди дня ему не слишком хотелось, но, услышав, что к нему явился по делу муж сестры смалёндского конунга, он все же вышел и остановился перед дверями.

– Неужели в Смалёнде перевелись свои златокузнецы и за ними приходится ездить на Съялланд? – слегка насмешливо осведомился он, поздоровавшись. – Когда меня просят поправить оружие, с этим дело ясное. Но отливать кольца и обручья из франских денариев и восточных скиллингов мне обычно приходится по осени, когда люди возвращаются из походов.

– Речь идет не о серебре, а о золоте! – с показной небрежностью хвастуна ответил Вемунд и даже подгладил ус, заплетенный в тонкую косичку. – У меня есть две или три марки золота, и я хочу заказать из них гривну. Я слышал, что у кого-то из свейских «морских конунгов» была такая вещь, и она приносила своим хозяевам большую честь и удачу! Я хочу, чтобы она выглядела примерно вот так!

Вемунд открыл кожаную сумочку на поясе и вынул свернутый в трубочку кусок бересты. Рери вспомнил, что еще зимой видел этот свиток: фру Торгерд и Торир вместе чертили что-то на нем, шептались и спорили. Они двое были единственными в Смалёнде людьми, когда-то видевшими Золотого Дракона. И хотя с тех пор, как они его видели в последний раз, прошло семнадцать лет, такую значительную вещь забыть невозможно, и в итоге рисунок получился очень похожим.

А нарисовать его было нелегко: старинное изделие выглядело весьма своеобразно. Гривна состояла из трех золотых обручей, искусным золотым плетением соединенных между собой, а украшали ее тончайшие узоры из напаянной проволоки, тоже золотой, и с удивительным мастерством отлитые головки драконов. По ширине ожерелье в точности соответствовало изящной женской ладони, и фру Торгерд обозначила ее, прикладывая к бересте свою собственную руку, не изуродованную, как у простолюдинок, тяжелой работой и возней со скотом.

– Вот так… – бормотал Ульв Пузо, придерживая края жесткого свитка, который все норовил снова свернуться и сохранить свою тайну. При этом ему приходилось держать бересту на вытянутых руках как можно дальше от глаз – вероятно, с возрастом у кузнеца ухудшилось

зрение. – Работа старинная, таких теперь никто уже не делает. Верно, из родовых сокровищ. Лет пять назад я бы взялся, а теперь даже и не знаю… Глаза, понимаешь, уже не те… А ты знаешь, харсир, я видел похожую вещь, – добавил Ульв, как следует вглядевшись. – Очень похожую. Такое ведь не каждый день увидишь, даже не каждый год, пожалуй. А у меня ведь глаз наметанный.

«На это я и рассчитывал», – подумал Вемунд, очень довольный, что его замысел оправдался.

– Даже у знатных вождей не у каждого найдутся три марки золота… хотя двух здесь будет достаточно, я думаю. Ты хочешь точно такую же? – Ульв поднял глаза на Вемунда.

– Точь-в-точь, – подтвердил харсир. – Я хочу, чтобы она приносила мне удачу.

– Не уверен, что она будет обладать таким свойством, я ведь не из карлов. А ту, о которой ты говоришь, сделал кто-то из богов.

– И ты ее видел? Ты запомнил все особенности и можешь взять ее за образец? Удачи у меня своей немало, и гривна нужна мне только для того, чтобы этой удаче было где поселиться, ты понимаешь?

– Еще бы не понимать! Когда у человека есть три марки золота, это уже само по себе говорит о большой удаче, и ее лучше всегда носить с собой!

– Может, ты знаешь, где эта вещь сейчас? Ты ведь мог бы рассмотреть ее получше, чтобы не ошибиться.

– Так далеко мне забираться не хочется, а ты ведь не захочешь ждать, пока она вернется? Если вернется…

– Так далеко – это куда?

– В последний раз я ее видел два года назад на шее у Ингви конунга, брата Сигурда конунга. А он отправился во Франкию. Но там, слышно, у них не очень хорошие дела. Рагнфрид Железный, говорят, погиб, то ли утонул в море, то ли сам умер, а что с Ингви конунгом, с которым они вместе туда пошли, я и не знаю. Так что можешь надеяться, Вемунд харсир, что твоя гривна будет единственной и не имеющей себе равных! Но уж не обессудь, если выйдет не совсем то. С такой тонкой работой мои глаза уже не совладают, а Кальв хоть и довольно толковый парень, но больше по части железа. Золото его не слишком любит. Да и где ему набраться опыта работать по золоту, при нынешних-то делах… Вот когда Рагнар конунг, Рагнар Кожаные Штаны, приходил из похода, то золота было как песка морского, а молодая рабыня стоила всего три или четыре эйрира серебром. Вот какие люди раньше были… Теперь таких не делают.

Уговорились на том, что Вемунд привезет свои три марки золота, когда вернется. Конечно, хотелось бы идти в новый поход уже с воплощенной в золоте «удачей» на груди, но такая сложная работа требует времени, а харсир, пришедший с целым войском, не может долго ждать.

Таким образом, новая и основная цель похода была определена. Им даже повезло в том, что Ингви сын Сигимара, а с ним и Золотой Дракон, отправились не в Британию, а во Франкию. Торир Верный бывал на Рейне с Хальвданом конунгом и кое-что помнил об этой стране, да и добычу там, если повезет, можно взять очень богатую. Имея три десятка кораблей, ждать попутчиков уже было излишеством, и смалёндцы отплыли на юго-запад с первым же подходящим ветром.

Путь их продолжался около трех недель. Они прошли проливами между датскими островами, на каждом из которых и сейчас еще сидел свой местный конунг. Слиа-фьорд и Хейдабьюр остался южнее, и как ни хотелось сыновьям Хальвдана увидеть этот легендарный для них вик, посещать его было еще не время. Они прошли вдоль берегов Фризии, некогда столь славной своими торговцами и мореходами, а сейчас опустевшей и одичавшей: за годы борьбы с королями франков за свою свободу и набегов с Севера она утратила почти все, что когда-

то имела. Знаменитый вик Дорестад, отец всех северных виков, разграбленный дважды за три года и еще не оправившийся от ударов, был малолюден, прежнего оживления не наблюдалось.

Далее началась Фландрия, тоже хорошо известная северным мореходам. Известность эта выражалась в том, что при виде знакомых кораблей местное население, и без того немногочисленное, стремительно разбегалось. А ведь смалёндцы не делали им ничего плохого – лишь несколько раз забирали скот, высаживаясь на берег, но ведь обычный «береговой удар» нападением не считается. Однако, от скандинавов здесь не ждали ничего хорошего, и найти кого-нибудь, чтобы спросить дорогу, удавалось с трудом.

В устьях больших местных рек они не раз натыкались на корабли и станы людей, говоривших на северном языке. На островах в устьях рек те устраивались надолго и свозили сюда добычу и пленных, приобретаемых в прилежащих странах, прежде чем отправиться восвояси. На мысах и островах за последние годы выросли настоящие крепости, окруженные земляными валами и частоколами, и сыновья Хальвдана предпочитали не останавливаться на ночлег поблизости от этих разбойничьих гнезд. При виде войска на тридцати кораблях викинги обычно трубили тревогу и на всякий случай изготавливались к битве. Друг от друга искателям славы и добычи тоже не приходилось ждать добра. Но первым в драку никто не лез, и сыновья Хальвдана тоже воздерживались, помня, что основная цель их похода не в этом.

Если был случай вступить в переговоры, они обязательно задавали вопрос об Ингви сыне Сигимара. Сведения поступали противоречивые. Кто-то называл Сену, кто-то Сомму, а кто-то и вовсе уверял, что свейские конунги еще в прошлом году ушли отсюда в Ирландию или Британию. Даны из Сканей, устроившиеся лагерь на Маасе, уверяли, что Ингви конунг застрял почти в самом сердце Франкии, осаждая их столицу, и сражается там с самим королем франков. Сыновья Хальвдана не знали, кому верить. Да и стоило ли верить хоть кому-то? Вемунд харсир был убежден, что правды им никто не скажет. Сведения о стране и о соперниках стоят дорого. Ведь чтобы точно знать, где находятся торговые места, города и богатые монастыри, а также где можно наткнуться на сильное сопротивление, многие конунги сперва засылают разведчиков, которые годами под видом торговцев или послов, с большим риском для жизни разъезжают по чужим странам.

– Хоть руны раскидывай! – приговаривал Торир Верный и действительно раскидывал руны каждый вечер, задавая богам вопрос: не близка ли еще цель? Ответы тоже получались неоднозначные, а может, Торир не умел их правильно истолковать. Харальд и Рери сердились, завидев своего воспитателя с кожаным мешочком и белым платком, на котором он раскладывал костяные кружочки с выжженными знаками, но ничего лучше предложить не могли.

В устье Шельды, куда они заходили провести несколько дней, подправить оснастку и передохнуть, покровительства сыновей Хальвдана попросили несколько торговцев-фризов. В дни последнего набега на Дорестад они находились в Бьёрко и там, напуганные грозными вестями, решили обосноваться. Теперь они шли от свейских берегов на юг Франкии, на Луару. Поначалу они наняли себе в сопровождение одного «морского конунга» на пяти больших кораблях, но у берегов Фландрии тот, на беду, повстречал своего давнего кровного врага и ввязался в бой, в котором ему не повезло. Торговцы едва успели уйти, наблюдая неудачное для их покровителя сражение, и теперь боялись выходить в море. Сыновья Хальвдана согласились проводить их, в обмен на некоторое количество франкских серебряных монет, а главное, сведения о той стране, к которой они приближались.

Вдоль бортов тянулись берега, покрытые почти белым песком, из которого торчали пучки жесткой суховатой травы. Во время отлива море отходило, освобождая гладкие поля желто-серого песка, по которым змеились протоки. Местные жители, не теряя времени, выбегали на просторы обнажившегося дна с ведрами и корзинами и принимались собирать крабов, креветок, какие-то ракушки, рыбешек, застрявших в лужах. Людям, чьи хозяйства были разорены постоянными войнами и грабежами, море служило чудесным котлом изобилия, в кото-

ром никогда не иссякает пища. Иногда из волн вставали почти белые скалы, и даже с корабля было видно, как на прибрежных лугах пасутся овцы. Нередко попадались рыбачьи деревушки, состоявшие из нескольких хижин под тростниковыми крышами, и те будто вымершие. Короче, легендарных богатств франкской державы пока было что-то не видно.

Первой большой рекой, которая принадлежала королю франков, оказалась Сомма. В последние десятилетия наследники императора Карла, прозванного Великим, так часто делили свое наследство, воюя друг с другом не менее ожесточенно, чем с викингами, что в пограничных местах иной раз и не знали, кто же из сыновей, внуков и племянников покойного Карла Магнуса над ними сейчас господин.

В бухту вошли во время прилива – при отливе, как рассказали фризы, вода отступает аж на три «роздыха». По правую руку виднелся поселок – много маленьких домиков под камышовыми и соломенными крышами. Людей Рери не заметил, но он уже привык, что при виде их кораблей местное население, где бы ни происходило дело, предпочитает разбегаться.

– Высаживаемся, – решил Харальд. – Выясним, что тут слышно про Ингви и нет ли какой-нибудь добычи.

Корабли подошли к удобному для высадки плоскому берегу, люди без задержек выбрались на твердую землю, и никто даже не думал им мешать. Если местное население здесь имелось, но связываться с чужаками оно явно не хотело. Но вот с добычей дело обстояло почти безнадежно. Между небольшими деревянными домиками людей почти не было, попадались только какие-то убого выглядевшие старики и старухи. Сопротивления никто не оказывал, при виде смалёндцев франки просто вставали на колени, складывали руки и так замирали, наверное, приготовившись к смерти. В домиках, куда пришельцы заглядывали, не обнаруживалось ничего ценного – простая деревянная утварь, глиняная посуда. По привычке искать еду смалёндцы посматривали лари и полки в кладовках, но ни съестных припасов, ни приличной одежды почти не было. Из скота обнаружилась одна тощая коза.

– Конунг, идите за мной! – к братьям подбежал запыхавшийся Хравн сын Стюра, совсем еще молодой парень, даже чуть моложе Рери, младший сын хозяина усадьбы Бломмет. Отец отправил в поход поискать средств на покупку собственного двора – или хотя бы посмертной славы. – Там большой богатый дом, наверное, здешнего хёвдинга. И там внутри кто-то есть. Хроар велел позвать вас.

Оба молодых конунга кликнули своих людей, рассыпавшихся по ближайшим дворикам, и устремились вслед за Хравном. Видимо, вот в чем дело: население поселка все спряталось в усадьбу хёвдинга и там ждет нападения, приготовившись к защите. Туда же угнали скот и унесли все ценное, а здесь бросили только негодных стариков, которые и своим не нужны, и чужим не пригодятся.

– Усадьба хорошо укреплена? – на ходу спросил Харальд.

– У нее высокая стена из камня, но ворота разбиты и рядом валяются.

– Вот как? – Рери даже остановился и озадаченно посмотрел на брата. – Слушай, Харальд, а тебе не кажется, что здесь кто-то уже побывал?

Харальд ответил ему таким недовольным взглядом, словно младший брат и был виноват в той весьма вероятной неприятности, что всю добычу отсюда уже унес кто-то другой. Но усадьба хёвдинга уже была видна, и братья не стали строить предположений на пустом месте.

Увидев дом, Рери присвистнул. Огромная постройка из камня, непривычного вида, показалась ему весьма внушительной, но дверь, как ни странно, была распахнута настежь. Перед постройкой толпились люди из дружины Хроара Выдры, и сам он, готовый к бою, со щитом и секирой, стоял перед домом, заглядывая внутрь сквозь полумаску шлема.

Изнутри доносились странные звуки. Подойдя, Рери и Харальд почти сразу их услышали. Там кто-то пел. Несколько слабых, неуверенных голосов пели на непонятном языке. Оба молодых конунга, держа на всякий случай щиты наготове, устремили взгляды за дверь. Но в темноте

ничего не было видно, кроме нескольких маленьких огонечков, реявших словно бы прямо в воздухе, довольно далеко от пола.

От этого зрелища по спине пробегал мороз. Кроме этих огонечков, висящих прямо в воздухе посреди темноты, ничего разглядеть не удавалось, и слабое непонятное пение только прибавляло жути. В голову лезло только одно объяснение: в этом большом каменном доме живут духи, и это их сейчас видят незваные гости, их потусторонние голоса слышат.

– Эй, кто там? – сурово крикнул Харальд, стараясь придать своему голосу повелительную внушительность, в то время как все вокруг его держались одной рукой за оружие, а другой – за амулеты. – А ну выходите!

Никто, даже он сам, особо не ждал, что это призыв возымеет действие. Однако, в темноте послышалось движение. Огонечки заколебались, и в этот миг даже сам Харальд пожалел о том, что предложил им выйти. Но вместо духа на пороге появился человек – очень странный, но, скорее всего, живой и настоящий. Был он довольно высок, лет сорока или чуть больше, худ и изможден, и одет в длинную широкую одежду, поношенную, выцветшую, подпоясанную простой веревкой. Вероятно, когда-то она была красной, но от времени и грязи стала серо-бурой. Из-под подола, украшенного нашитыми полосами когда-то цветных, а теперь тоже просто грязных лент с обрывками залоснившихся шелковых кисточек, выглядывал подол нижней рубахи, состоявший почти только из разномастых заплат. Сама эта одежда, казалось, могла в зародыше погасить всякую мысль о достойной добыче. Единственным украшением служил потемневший медный крест на груди. Волосы его, по местному обычаю, были острижены довольно коротко, лицо выбрито, но щетина уже вновь отросла – темная на щеках и уже седая на подбородке. Темя он тоже когда-то выбрил начисто, но и там полуседые волосы немного отросли. Вид, короче, у него был совершенно нелепый и непривычный, а к тому же он все время дергал головой и левым глазом, как будто непрерывно подмигивает и кивает собеседникам. При нем не оказалось никакого оружия, но оба молодых конунга невольно дрогнули и попятились – им почудилось, что перед ними истинный выходец с того света.

Выйдя, он остановился на пороге, протягивая вперед пустые ладони, склонился.

– Здесь нет никого, кто стал бы угрожать вам, воины, и никого, кто мог бы оказать сопротивление, – сказал он на северном языке довольно внятно, но смалёндцы были настолько удивлены его видом, что не сразу поняли содержание речи. – И здесь нет сокровищ, которые могли бы вас привлечь. Войдите, если желаете, и убедитесь сами, но прошу вас, не губите этих несчастных людей, которые и без того уже потеряли все свое земное достояние и претерпели множество несчастий. Их гибель не принесет вам ни выгоды, ни славы.

– Что он говорит? – нахмурился Харальд.

– Кажется, приглашает войти, – пробормотал Стюр.

– Чей это дом? – спросил Рери. – Ты – хозяин?

– Это дом Божий.

– Дом бога? Вашего бога? Он здесь живет?

Все невольно сделали еще шаг назад. На обиталище чужого неведомого божества это темное мрачное строение, где во тьме жили сами по себе огонечки духов, очень даже походило. Соваться туда было слишком опасно.

– Нет, конечно, – неожиданно успокоил их странный франк. – Какой дом ему можно построить, если весь мир не может вместить его могущество? Даже человек любит жить просторно – и в каком же здании можно заключить столь великое существо, как сам Бог? Бог обитает в глубине сердец наших. А здесь, в церкви Святой Марии, собираемся мы, чтобы восславить Господа.

– Это святилище? – полуутвердительно произнес Рери, начав что-то понимать.

– Неверно уподоблять священное место молитв наших идольской кумирнице, но если тебе так понятно, то да, – смиренно и даже где-то доброжелательно ответил франк.

– Это святилище! – с облегчение объявил Харальд. – Пойдем, посмотрим, что там.

Раздобыв парочку факелов, успокоенные смалёндцы гурьбой ввалились внутрь. Странный франк не пытался им мешать и даже сам помог снять доски с оконных проемов. Смалёндцев поразил их размер: в северных странах никаких окон в стенах домов не делалось вовсе, не считая маленьких дымовых отверстий, а здесь окна, хоть и узкие, но высокие, пропускали довольно много света. Они располагались в два ряда, причем верхний ряд шел чуть ли не под самым потолком.

При свете стала видна вся постройка – прямоугольная, длинная, как дом какого-нибудь северного хёвдинга, и таким же образом двумя рядами столбов разделенная на три части: одну срединную, высокую, и две боковые, пониже. Но на этом сходство и заканчивалось. Столбы, как и стены, оказались каменными, очагов не было вовсе, и смалёндцы пришли в недоумение, как же удается нагреть это здание, с такими большими окнами и без огня. Средняя часть дома заканчивалась маленьким закутком, вроде спальных чуланов в северных домах, но вместо лежанки там стояло нечто похожее на каменный стол, совершенно пустой.

Ничего примечательного обнаружить не удалось. Простые железные светильники, на которых горело несколько восковых свечей – это их огни снаружи выглядели неупокоенными духами, – какие-то изображения на стенах. И все. Однако, чтобы осмотреть все это, сначала пришлось выгнать наружу десятка три-четыре местных, которые плотно набились в святилище и стояли там на коленях в темноте. Среди них оказалось еще двое таких же, как и тот, что встретил смалёндцев на пороге – в черных одеждах и с выбритым теменем.

– Если вы ищете добычи, то напрасно, – продолжал тот, первый, не отстававший от них. – Всего два дня назад Сен-Валери и наша обитель подверглись нападению северных людей, ваших соплеменников. Они забрали скот, остатки имущества, которое уцелело после прошлогоднего набега, увезли молодых женщин и юношей. И вся наша богослужебная утварь, скромные дары, какие уделили нам братья из обители Сен-Рикье и преподнес добрый сеньор Ангильрам, виконт Аббевилльский, снова были нами утрачены.

– Я же говорил! – воскликнул Рери. – Здесь уже кто-то побывал! Кто это? Как звали их конунга?

– Не могу ответить на твой вопрос. – Франк развел руками. – Он не спрашивал моего имени и не называл мне свое. И ты тем скорее поверишь в правдивость моих слов, что и сам поступаешь так же.

– Я – Хрёрек сын Хальвдана, – надменно ответил Рери, и в самом деле не уверенный, стоит ли называть свое имя этому полусумасшедшему. – А это – мой старший брат Харальд. Мы из Смалёнда, где правит наш родич Гудлейв сын Ингвара. А наш отец, Хальвдан сын Харальда, когда-то правил в Южной Ютландии и владел виком Хейдабьюр.

– Я хорошо знаю Хейдабьюр, – кивнул франк. – Там я был продан и прожил в рабах около трех лет, пока епископ Ансгарий, да благословит Господь его благочестивые труды, не выкупил меня с двумя другими братьями и не позволил вернуться домой. Там я и выучил язык северных людей, что было мне тем легче сделать, что с детства я владел старинным языком франков, в котором там много общего с северным языком.

– Был продан? Так ты раб? – Рери нахмурился.

Принижающая достоинство беседа с рабом его не прельщала, но любопытство пересиливало: ему хотелось разобраться, что здесь происходит, а как знать, найдется ли другой собеседник.

– Я – брат Хериберт, один из смиренных последователей святого Бенедикта. – Франк наклонил свою удивительным образом выбритую макушку. – Здесь, в обители святого Валерия, служил я Господу вместе с другими братьями, и вместе с другими был захвачен северными людьми пять лет назад. Тогда нас распродали в Хейдабьюре, и судьба прочих братьев, кроме брата Дионисия и брата Бертульфа, мне неведома. Только мы втроем, благодаря Божьему

милосердию и попечению епископа Ансгария, вернулись домой. Но Господь, не спуская к грехам нашим, не дал сему злополучному краю насладиться миром – в прошлом году снова был набег, и в этом году тоже. Братья бежали, унося священные реликвии, а я и двое братьев моих остались, чтобы ободрять этих несчастных, потерявших имущество и детей, и молиться за них.

Он наклонил голову, выражая как смирение, так и стойкость в борьбе с судьбой. Несмотря на его нелепый вид и темные речи, в глубине души у Рери шевельнулось что-то вроде уважения к этому… Хериберту, как его там? При всем своем спокойствии и смирении, ни трусом, ни размазней он явно не был, если добровольно остался в этом месте, где ему грозят плен и рабство, известные отнюдь не понаслышке.

– Где сейчас эти люди, которые были здесь? – спросил Харальд.

– Они ушли вверх по реке. Следует опасаться, что целью своей они избрали святую обитель Сен-Рикье или город Аббевилль. Находясь в удалении от моря, те уж лет десять не подвергались разграблению.

– Их много?

– Думается, что около тысячи.

– Но не больше?

– Если и больше, то не намного.

– Когда они ушли?

– Только вчера поутру.

– Они пошли на своих кораблях? – задал вопрос Харальд и оглянулся, словно мог, проходя по городку, не заметить чужие боевые корабли!

– Да. На несчастье этого края, Сомма годна для прохождения северных судов почти до самого истока.

– А скажи – ты не слышал о таком конунге, по имени Ингви сын Сигимара? – спросил Рери.

– За исключением Рагнфрида Железного, ты, Хрёрек, и твой брат Харальд – единственные вожди северных людей, чье имя мне удалось узнать. Прочие не оставляют времени для разговора и знакомства, предпочитая знакомить с нами только клинки своих кровожадных мечей.

– А хорошо сказал! – Орм ухмыльнулся.

– Ну, если так, то и нам нечего задерживаться, – решил Харальд. – Пойдем следом.

– Это не может быть Ингви. – Рери покачал головой. – Он ведь ходит здесь уже второй год. Он может быть причастен к прошлогоднему набегу, но не к этому.

– А может, он в прошлом году ходил по другой реке, а в этом завернул сюда?

– Да и вообще, надо думать о людях, – вставил Стюр. – А людям нужна добыча. Если здесь все забрали до нас, то надо поторопиться, если мы не хотим и дальше успевать к обглоданным костям.

– Не грусти, Стюр! – утешил его Орм. – Пусть тот скромный вождь, постеснявшийся назвать свое имя, проливает кровь, теряет людей и берет добычу. А мы нагоним его и возьмем готовое. Скажи-ка, – он обратился к Хериберту, – ваш местный конунг, хёвдинг или еще кто-то может собрать войско? Как его зовут и где он сейчас?

– Король Карл, сын Хлодвига, прозванного Благочестивым, мог бы собрать войско, если бы не приходилось ему сражаться с бретонцами, защищая свои владения от своих же бывших подданных. – Тот покачал головой. – А сеньор Ангильрам, виконт Аббевилльский, вероятно, вышел бы со своей дружиной, если бы не была она столь малочисленна по сравнению с отрядами северных людей. Верховный же господин этого края, Гербальд, граф Амьенский, вероятно, находится в королевском войске вместе со своими людьми, и едва ли оставил для обороны края более двух человек, как и предписывает королевский указ.

– Двух человек? – Рери в изумлении поднял брови. То ли этот сумасшедший смеется над ними, то ли в этой стране сумасшедшие все!

– Я говорю о двух вассалах графа Амьенского, о двух свободных благородных франках, каждый из которых может выставить отряд из своих людей, вооружив их должным образом.

– Значит, два отряда? Сколько людей в каждом?

– Я не знаю. Но едва ли наберется много людей, настолько богатых, чтобы могли снарядиться копьем, и щитом, и луком с двумя тетивами, или хотя бы только луком с двенадцатью стрелами. Копье и щит по стоимости равны двум коровам, а у кого теперь есть две коровы? Наша обитель, Сен-Валери, Господним попечением была не из самых бедных, и то среди своих людей мы смогли набрать не более трех десятков воинов. Увы – силы северных людей, противостоящие нам, превышают это число во много раз…

– Что-то я запутался. – Харальд нахмурил свои светлые брови. – Где живет ближайший из знатных людей?

– Город Аббевилль, возле которого находится куртис и каструм сеньора Ангильрама, всего в четырех часах пешего пути отсюда.

– Чего-чего? Кур… Что ты сказал?

– Куртис – господский двор, усадьба знатного человека, я скорее должен был выразиться так. А каструм… Не знаю подходящего слова, возможно, его и нет в языке северных людей, ибо в ваших землях я не наблюдал ничего подобного. Каструм – это тоже дом знатного человека, но обнесенный стеной, укрепленный и предназначенный не для постоянного проживания, но лишь для того, чтобы господин и жители окрестностей могли укрыться там в случае опасности.

– А расстояние? Я не понял, как ты сказал?

– Не более четырех часов. У вас это принято называть «роздых» – то есть расстояние, которое обычный человек может пройти, не слишком утомившись[10]. То есть до Аббевилля отсюда, если идти по берегу, примерно четыре «роздыха».

– Теперь понятно. – Харальд кивнул. – Рукой подать.

– Знаешь, что я тут подумал, – сказал Рери, пока они шли обратно к кораблям, обдумывая все увиденное и услышанное. – Он сказал, у тех, что впереди нас, тысяча человек…

– Да, так что мы справимся с ними. – Харальд махнул рукой.

– Как сказать. Преимущества в числе у нас нет. Воевать с ними тут некому, едва ли этот Хериберт соврал. Значит, и в битве за город они много не потеряют.

– Ты что – испугался? – Харальд насмешливо покосился на младшего брата. – Уже захотел домой к матери?

– Я не испугался. – Рери ответил сердитым взглядом. – Но если мы сейчас потеряем половину войска в битве с какими-то троллями, до которых нам нет дела, то с кем будем искать Ингви и биться с ним?

– Но без битвы они едва ли нас пропустят и отдадут свою добычу, – насмешливо отозвался Харальд. – Судя по тому, что из Свалерика, или как оно там, они выгребли все подчистую, оставив немного дохлых костей и немного еще шевелящихся, эти ребята тоже не промахи.

– Надо что-то придумать, чтобы одолеть их, потеряв как можно меньше своих людей.

– И что ты предлагаешь?

– Сначала нужна разведка. Выяснить, что это за люди, чего хотят, какими силами располагают и где у них слабые места. А если нет таких мест – сделать, чтобы появились. Даже стать этим слабым местом…

– Что? – Харальд остановился и посмотрел на младшего брата. – Рери, ты стал выражаться, как вёльва сквозь сон. Или как этот сумасшедший. – Он кивнул на Хериберта, который зачем-то потащился за ними следом. – Каким – слабым местом? Что значит – им стать? У тебя голова стала слабым местом? Я прикажу его зарубить, пока его безумие заразило тебя одного!

[10] Что составляет около 5 км. То есть «роздых» в переводе на время – это час пешего хода.

– Помолчи, дай подумать. – Рери нахмурился. – Вот что я предлагаю, – сказал наконец он. – Я возьму два корабля и пойду вперед. А вы оставайтесь пока здесь. Я попробую выяснить все, что нам нужно. И если получится, даже пристроюсь в дружину к этим людям. Тогда мы узнаем, как лучше разделаться с ними, я пришлю к тебе кого-нибудь. Ты понял?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.